И 224

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

М. Э. ЧИАУРЕЛИ

В. И. ПУДОВКИН

А. Л. ПТУШКО

Л. О. АРНШТАМ

В. В. ЭЙСЫМОНТ

С. И. ЮТКЕВИЧ

Л. И. СТЕПАНОВА

Л. В. ВАРЛАМОВ

Р. Л. КАРМЕН

П. А. ПАВЛЕНКО

И. В. ЛУКОВСКИЙ

Г. Э. ГРЕБНЕР

5

1947

ИСКУССТВО КИНО

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

М. Г. ГЕЛОВАНИ

С. В. ГИАЦИНТОВА

Н. С. ПЛОТНИКОВ

Т. Ф. МАКАРОВА

И. С. НАБАТОВ

Л. В. КОСМАТОВ

Д. И. ВАСИЛЬЕВ

А. Д. ГОЛОВНЯ

Н. Н. КРЮКОВ

А. Д. ДИКИЙ

Л. С. КНЯЗЕВ

Р. Н. СИМОНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Лауреаты сталинских премий 1

Н. Вирта. «Сталинградская битва». Сценарий. Вторая серия 4

А. Хачатурян. Музыка в киноискусстве и на кинопроизводстве 25

Л. Погожева. Профессия и ремесло 28

Г. Рошаль. Герой стандартного голливудского фильма 30

Библиография

Г. Дмитриев. Оператор-партизан 32

Е. Смирнова. Глазами друзей 32

ГОСКИНОИЗДАТ
Москва, 1947

1947
ИЮЛЬ – АВГУСТ

ИСКУССТВО КИНО

№ 5
Журнал выходит один раз в 2 месяца

ОРГАН МИНИСТЕРСТВА КИНЕМАТОГРАФИИ СССР

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

«Клятва», «Адмирал Нахимов», «Каменный цветок», «Глинка», «Крейсер «Варяг», «Молодость нашей страны», «Советская Эстония», «Югославия», «Суд народов»—вот названия фильмов, по праву вошедших в золотой список лучших произведений советской художественной и хроникально-документальной кинематографии, произведений, увенчанных Сталинской премией.

Самое массовое из искусств — кино пользуется в нашей стране большой, всенародной любовью. Идейная целеустремленность, политическая зрелость, высокие художественные достоинства всегда отличают лучшие произведения мастеров советского киноискусства. И чем больше любовь, чем выше внимание народа, большевистской партии, советского правительства к искусству кино, тем выше их требования, тем почетнее и сложнее задачи работников кинематографии.

Присуждение Сталинских премий — это праздник социалистической культуры, ставший славной традицией в нашей общественной жизни. Это смотр лучших достижений передовых советских людей, стремящихся к общей благородной цели: укреплению могущества нашей Родины, развитию ее культуры, воспитанию советских людей — строителей и защитников общества, созданного по справедливым законам и под мудрым руководством Ленина и Сталина. И советское киноискусство, являясь могучим орудием строителей коммунизма, верно служило советскому народу во все периоды его созидательной деятельности. Сталинскими премиями были отмечены лучшие фильмы, созданные и в период первых трех пятилеток, и в трудные годы Великой Отечественной войны, когда в героической схватке с врагом советский народ ни на минуту не прекращал культурно-созидательной работы. И сейчас, когда Сталинские премии присуждены пяти художественным и четырем хроникально-документальным фильмам, сорока четырем творческим работникам советского киноискусства, мы с гордостью и радостью приветствуем лауреатов и отмечаем в их творчестве те высокие качества, те плодотворные идеи, те прогрессивные черты, которые нужно культивировать и развивать всем работникам кинематографии, стремящимся принести свою жизнь, свои силы, свое искусство на службу общенародному делу — славному делу выполнения Сталинского послевоенного пятилетнего плана.

Сталинские премии — это не только высокая награда наиболее отличившихся работников и признание их заслуг. Это одно из проявлений организующей и направляющей роли партии и государства в развитии нашего общества. Для советской кинематографии — это указание путей к новым достижениям. Памятуя о неизмеримых возможностях, предоставленных художнику в нашей стране, равняясь по лучшим — лауреатам Сталинской премии, творческие работники советского кино стоят перед лицом своего народа, который требует от художников высокой большевистской идейности, глубокого проникновения в жизнь, смелого художественного новаторства.

1946 год был годом перелома в работе кинематографии. В первой половине этого года было выпущено на экран и закончено производством несколько порочных и безидейных фильмов. В своем историческом постановлении «О кинофильме «Большая жизнь» ЦК ВКП(б) строго осудил эти фильмы и дал боевую программу дальнейшего развития советского кино. Вооруженные указаниями партии по вопросам литературы и искусства, советские кинематографисты достигли значительных результатов в деле перестройки своей работы. Сталинские премии за 1946 год — это первый поучительный итог выполнения ими своих задач.

Фильм «Клятва» — наиболее значительное произведение советского киноискусства послевоенного периода. Вдохновленное благородной идеей изобразить основные общественные процессы развития нашей социалистической родины более чем за 20 лет, это произведение покоряет ясностью и политической целеустремленностью мысли, смелостью и новизной творческого метода.

Двадцать лет жизни великой страны! Восстановление страны после империалистической и гражданской войн, индустриализация и коллективизация, построение социализма и героическая защита его в титанической борьбе со смертоносными силами мировой реакции, наконец, великое торжество победы над фашизмом — вот круг тем, охваченный в «Клятве». Как же удалось авторам фильма режиссеру Михаилу Чиаурели и писателю Петру Павленко объединить этот огромный материал в единой стройной драматургической композиции? Роль большевистской идеологии, роль коммунистической партии, воплощенная в деятельности гениального вождя советского народа И. В. Сталина, явилась идейной магистралью для решения всей художественной концепции фильма. В тяжкую годину смерти В. И. Ленина Сталин от лица всего народа дал историческую клятву выполнить заветы своего великого учителя. И слова сталинской клятвы стали залогом выполнения всех чаяний советского народа, идейной основой всех наших побед.

Превосходный драматургический материал дал возможность лучшему исполнителю роли И. В. Сталина — артисту

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Ф. Ф. ПРОВОРОВ

А. В. ШЕЛЕНКОВ

В. П. КАПЛУНОВСКИЙ

Б. П. ЧИРКОВ

М. Геловани создать наиболее полный и яркий образ великого вождя. Монументальный и строгий, величественный и человечный образ этот окружен в фильме правдивыми и привлекательными образами простых советских людей. Роль русской женщины-матери — олицетворения священного понятия Родины — проникновенно исполнена артисткой С. Гиацинтовой. Н. Плотников и Т. Макарова создали ясные, истинно русские характеры. Средствами смелого гротеска, разящей сатиры добился артист И. Набатов разоблачения гнилой сущности буржуазного политикана, предателя своего народа — французского министра Бонне. Оператор Л. Косматов нашел ту сдержанную, лаконическую манеру, которая обеспечила изобразительной трактовке фильма предельную ясность и гармоничность.

Как подлинно новаторское произведение фильм «Клятва» прокладывает новые пути развития советского киноискусства. Сейчас виднейшие режиссеры и сценаристы работают над созданием кинофильмов о Сталинградской битве, об обороне Ленинграда, о разгроме немцев в Крыму, о взятии Советской Армией Берлина. Рождается новый жанр художественно-документального фильма, позволяющий охватить огромные исторические процессы во всей их сложности, дать обобщенные и конкретные образы людей и событий нашей современности. «Клятва» — первое произведение этого нового жанра, присущего только стилю социалистического реализма.

Стиль, порожденный социалистическим обществом, обусловленный ленинско-сталинской идеологией, — социалистический реализм порождает новые, своеобразные жанры. К этим жанрам относится биографический жанр. Советские биографические фильмы, посвященные жизни и деятельности великих людей прошлого и настоящего, правильно трактующие роль личности в истории, — явление принципиально отличное от тех «биографических» фильмов, которые выпускаются на Западе.

В то время как сотни американских и западноевропейских картин, посягая на изображение жизни замечательных людей мировой истории, фактически опошляют и дискредитируют их биографии, устремляя внимание зрителя на мелкие, нехарактерные факты жизни, упускают, а часто и извращают то, чем прославился человек, его жизненный подвиг, — советский биографический фильм трактует именно об историческом значении, о смысле жизни великого человека. В советском кино появился ряд выдающихся произведений, воссоздающих образы великих людей во всей их сложности и полноте, в их творческом созидательном процессе. К таким произведениям можно смело отнести удостоенные Сталинской премии фильмы «Адмирал Нахимов» и «Глинка».

Многозначительные исторические события русско-турецкой войны 1853—1855 годов легли в основу фильма о прославленном русском флотоводце П. С. Нахимове.

И здесь мы снова видим огромное направляющее и руководящее значение постановления ЦК ВКП(б) о кинофильме «Большая жизнь».

Авторы фильма «Адмирал Нахимов» — режиссер В. Пудовкин и киносценарист И. Луковский, задавшись целью рассказать о жизни великого адмирала-патриота, вначале не осознали того, что образ подобного человека может быть достойно изображен лишь в развитии больших исторических событий, и попытались характеризовать Нахимова в ряде незначительных бытовых эпизодов. Этот порочный метод был строго осужден в постановлении ЦК ВКП(б). И, творчески восприняв нелицеприятную большевистскую критику, Пудовкин и Луковский вместе со всем коллективом создателей фильма поняли и исправили свою ошибку.

Образ Нахимова, правдивый и благородный, явился нам в новом варианте фильма в драматическом сплетении значительных событий: разгром турецкого флота в Синопской бухте, коварное вторжение англо-франко-сардино-турецкой коалиции в русские воды, героическая оборона колыбели черноморского флота — Севастополя. Артист А. Дикий сыграл роль Нахимова с блеском и глубиной, присущей большому мастеру. Р. Симонов в роли турецкого адмирала Османа-паши и Л. Князев в роли русского матроса Кошки надолго запомнятся зрителю благодаря талантливой и продуманной работе. Успеху фильма немало содействовало мастерство режиссера Д. Васильева, оператора А. Головни и композитора Н. Крюкова. Изобразительная и музыкальная трактовка фильма, полные динамики и драматизма, органически сливаются в общее художественное целое.

Автор и режиссер фильма «Глинка» Л. Арнштам сумел так отобрать и осмыслить подлинные события биографии гениального русского композитора, что перед зрителем предстал творец, патриот, человек — характер богатый, сложный и обаятельный. Соблазн построить фильм на выигрышных сценах «частной жизни» Глинки с успехом преодолен Арнштамом. Фильм рисует творчество Глинки, его кровную связь с народным искусством, его прогрессивные патриотические черты. Биография композитора — от дня рождения до начала работы над оперой «Руслан и Людмила» — дана как творческий процесс — противоречивый, драматичный, зачастую мучительный, но радостный в своем существе. Артисту Б. Чиркову особенно удались сцены творчества Глинки. Художник В. Каплуновский и оператор А. Шеленков с тонким вкусом воссоздали обстановку, в которой жило русское общество первой половины XIX века. Артисты

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

В. В. МЕРКУРЬЕВ

К. Н. ИВАНОВА

В. В. СЕРОВА

Б. С. МОНАСТЫРСКИЙ

В. Меркурьев, К. Иванова и В. Серова дали образы людей, окружавших Глинку, воздействовавших на его судьбу.

Советские биографические фильмы «Адмирал Нахимов» и «Глинка», рассказывающие о жизненном подвиге, о патриотическом значении, о прогрессивных качествах великих людей, — явление, присущее только советскому кино, искусству социалистического реализма.

Это искусство способно правдиво и ярко изображать историю народа, выделяя в самых сложных исторических ситуациях основные ведущие процессы.

Старейший советский кинодраматург Г. Гребнер, автор более чем тридцати полнометражных художественных фильмов, недавно завершивший двадцать пятый год своей литературной деятельности в кино, написал поэтический сценарий о беспримерном мужестве русских моряков, о славной борьбе русского крейсера «Варяг» с японскими империалистами в 1904 году. Режиссер В. Эйсымонт и оператор Б. Монастырский создали фильм, в котором правильно подчеркнуто принципиальное различие между героизмом русских моряков и бездарной политикой царского правительства. Артисты Б. Ливанов и А. Зражевский показали прогрессивных офицеров русского флота, храбро сражавшихся под морским флагом за честь своего народа.

Фильм А. Птушко и Ф. Проворова «Каменный цветок» был признан лучшим цветным фильмом на международном фестивале в Каннах. Сказы уральских рудокопов, золотоискателей, каменных дел мастеров — дали благодарный материал для того, чтобы сделать цвет полноправным драматургическим компонентом фильма, применить разнообразнейшие принципы использования цвета в кино, в основном решить проблему колорита фильма, опираясь на прекрасные традиции русской классической живописи.

И если честь создания лучшего цветного фильма, снятого целиком в павильонах, принадлежит мастерам советской художественной кинематографии, то честь создания лучшего цветного натурного фильма завоевана советскими операторами-документалистами В. Доброницким, М. Трояновским, С. Семеновым, объединенными под руководством С. Юткевича.

Цветной документальный фильм «Молодость нашей страны» — о физкультурном параде в Москве — это жизнеутверждающая симфония праздничных красок, молодого задора, четких ритмов. В живых красках фильм рисует парад молодежи, прошедшей тяжелые испытания войны и пришедшей к победе, к мирному созидательному труду полными сил, радости и здоровья.

Документальный фильм «Югославия» — это свидетельство гуманизма Советской Армии-освободительницы, великой дружбы славянских народов, легендарной борьбы югославских партизан против фашистских поработителей. Фильм знакомит нас с культурой и бытом свободолюбивых народов Югославии, с героическими боями, со становлением подлинной демократии в свободной стране. Режиссер Л. Варламов, операторы А. Сологубов, В. Ешурин сумели понять и отразить благородные стремления братского народа, за которые оператор-фронтовик В. Муромцев отдал свою жизнь на поле битвы под Триестом.

Для повести о Югославии советские документалисты нашли теплые, дружеские и жизнерадостные слова, зато сколько гнева и презрения звучит в кинематографическом отчете о Нюренбергском процессе главных немецких военных преступников. Режиссер-оператор Р. Кармен и операторы Б. Макасеев и В. Штатланд в своем фильме «Суд народов» запечатлели для потомства позор главарей фашизма и справедливое возмездие им от руки международного правосудия.

Фильмы «Югославия» и «Суд народов» завершают ту героическую работу, которую проделали советские документалисты в годы Великой Отечественной войны. О задачах, стоящих перед кинохроникой в эпоху восстановления и подъема народного хозяйства, говорит фильм «Советская Эстония». Это рассказ об одной из советских социалистических республик, вместе со всем Советским Союзом победившей в войне и живущей сейчас напряженной и радостной трудовой жизнью. Режиссер Л. Степанова и операторы С. Школьников и В. Томберг с большой любовью и вкусом засняли культурные памятники, хозяйство и быт Эстонии, с горечью и гневом рассказали о ранах, нанесенных ей немецкими оккупантами, но главное внимание уделили сегодняшнему созидательному труду и радостным перспективам эстонского народа, открытым Сталинским пятилетним планом.

Уменье найти основную тему нашего сегодняшнего дня — одно из лучших качеств советских документалистов. Работа коллектива Л. Степановой послужит положительным примером для работников советской документальной кинематографии, создающих сейчас серию фильмов о всех социалистических республиках, входящих в Советский Союз.

Сталинские премии за лучшие произведения художественной и хроникально-документальной кинематографии присуждены высокоидейным, новаторским фильмам, созданным художниками-бойцами, строителями коммунизма. Равняясь по лучшим — сталинским лауреатам, творческие работники важнейшего и самого массового из искусств должны закрепить сегодняшние успехи, которым подведен поучительный итог, и отдать все свои силы, знания и способности созданию новых произведений, прославляющих наш народ, нашу социалистическую Родину.

Николай ВИРТА

„СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА“

СЦЕНАРИЙ

Вторая серия

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

Перелистывается еще одна страница летописи.

Надпись:

ВЕРХОВНОЕ ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ ГОТОВИЛО СОКРУЩИТЕЛЬНЫЙ УДАР, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ ПРОИЗВЕСТИ ПОВОРОТ В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

На фоне карты фронтов

Диктор:

— Решение задачи было связано с огромными трудностями. Надо было произвести сосредоточение крупных масс войск и средств усиления. Железные дороги, по которым направлялись грузы и войска, имели ограниченную пропускную способность. Некоторые дивизии следовали в район сосредоточения (стрелка показывает) из-под Астрахани и Камышина походным маршем, покрывая расстояния до четырехсот километров... Грозный час приближался... Фронты готовились к нему.

РОКОССОВСКИЙ ПРИНИМАЕТ ФРОНТ

Карта расположения 66-й армии.

Титр:

ЗДЕСЬ ДЕРЖАЛА ОБОРОНУ 66-я АРМИЯ ДОНСКОГО ФРОНТА РОКОССОВСКОГО.

Рокоссовский, командарм 66 и командир дивизии на берегу Волги.

КОМАНДИР ДИВИЗИИ. Там, товарищ генерал-лейтенант, Сталинград.

РОКОССОВСКИЙ. Которому, как приказал товарищ Сталин, мы должны помочь, товарищ полковник.

КОМАНДИР ДИВИЗИИ. Помогаем, как можем, товарищ генерал-лейтенант. Силенок маловато в дивизии.

РОКОССОВСКИЙ. А в тылах чорт знает что... Жалуетесь на недостачу того, другого, а сами пальцем о палец не ударили, чтобы помочь себе. (Садится в машину.)

КОМАНДИР ДИВИЗИИ. Исправим, товарищ генерал-лейтенант...

РОКОССОВСКИЙ. Товарищ командарм! Ваша шестьдесят шестая армия должна беспрестанно тревожить противника.

КОМАНДАРМ 66. Есть, товарищ командующий.

РОКОССОВСКИЙ. Товарищ полковник, я приеду к вам через десять дней и круто спрошу. До свидания... Очень хочется, чтобы в следующий раз я похвалил вас... (Водителю.) В двадцать четвертую. (Уезжает.)

КОМАНДИР ДИВИЗИИ (вслед, разочарованно). А говорили—добряк!

Карта. Фронт 24-й армии.

Титр:

24-й АРМИИ ПРЕДСТОЯЛО СЫГРАТЬ ВАЖНУЮ РОЛЬ В НОЯБРЬСКОМ НАСТУПЛЕНИИ.

КОМАНДНЫЙ ПУНКТ 24-й АРМИИ

КОМАНДАРМ 24. Командующий двадцать четвертой армией, товарищ командующий фронтом. Армия занимает оборонительные рубежи и проводит совершенствование их.

РОКОССОВСКИЙ. Проверим... В машину, на передний край.

КОМАНДАРМ 24. На передний край?

РОКОССОВСКИЙ. Я не люблю повторять сказанное, товарищ командарм!

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Ходами сообщения Рокоссовский, командарм 24 и сопровождающие их идут к траншеям переднего края. Наблюдательный пункт батальона. Солдаты встают.

КОМАНДАРМ 24. Командующий фронтом!

КОМАНДИР БАТАЛЬОНА. Товарищ командующий фронтом, батальон занимает оборону.

РОКОССОВСКИЙ. Здравствуйте, товарищи!

СОЛДАТЫ. Здравствуйте, товарищ генерал-лейтенант.

РОКОССОВСКИЙ. Что противник?

КОМАНДИР БАТАЛЬОНА. Дерется, товарищ генерал-лейтенант, отчаянно дерется!

РОКОССОВСКИЙ. Не оставляйте противника в покое ни на один час. Товарищ командарм! Ни одной дивизии немцы не должны снять с фронта вашей армии.

КОМАНДАРМ 24. Слушаюсь, товарищ командующий.

РОКОССОВСКИЙ. Ну, товарищи, скоро к вам прибудет пополнение. Крупное пополнение...

КОМАНДИР БАТАЛЬОНА. Вот это хорошо, товарищ генерал-лейтенант! Уж тогда мы здесь стеной станем!

РОКОССОВСКИЙ. Станем? Гм... А не надоело стоять?

КОМАНДИР БАТАЛЬОНА. Виноват, скажем так: приказано стоять—стоим. Прикажут наступать—только рады будем, товарищ генерал-лейтенант.

РОКОССОВСКИЙ. Что ж! В свое время обрадуем! До свидания. Я в шестьдесят пятую!

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Б. Н. ЛИВАНОВ

А. И. ЗРАЖЕВСКИЙ

В. В. ДОБРОНИЦКИЙ

М. А. ТРОЯНОВСКИЙ

Карта. Фронт 65-й армии.

В ОКОПАХ 65-й АРМИИ

Рокоссовский, командарм 65 заходят в солдатскую землянку. Солдаты встают.

РОКОССОВСКИЙ. Здравствуйте, товарищи!

СОЛДАТЫ. Здравствуйте, товарищ генерал-лейтенант!

РОКОССОВСКИЙ. Отдыхайте и я с вами отдохну. (Закуривает, свернув цыгарку с махоркой.) Этого товарища (жест в сторону командарма) знаете?

СОЛДАТ. Как не знать командующего армией!.. Частый у нас гость...

2-й СОЛДАТ. Да и вас видывали!..

РОКОССОВСКИЙ. Вот как! Где же?

2-й СОЛДАТ. Под Москвой вместе с вами били немца. Как узнали, что вы тут объявились, товарищ генерал-лейтенант, так тем же часом слух пошел. Стало быть, скоро начнем их домолачивать.

РОКОССОВСКИЙ (смущенно). Ну, ну!

СОЛДАТ. Виноват — от всего сердца.

РОКОССОВСКИЙ (осматриваясь). Устроились прочно, хорошо!

4-й СОЛДАТ. Солдатское житье известное—нынче тут, завтра за триста километров. Но думаем, что уж так прочно больше устраиваться не придется.

РОКОССОВСКИЙ. Почему?

СОЛДАТ. Так уж ежели попрем, то без остановки, товарищ генерал-лейтенант.

3-й СОЛДАТ. А началу дела, полагаем, срок невелик.

РОКОССОВСКИЙ. Почему так думаете?

3-й СОЛДАТ. Да уж не зря вас сюда послал товарищ Сталин! Солдата не обманешь...

РОКОССОВСКИЙ (сердито от смущения). Опять! (Встает.) Ну, что ж, товарищи бойцы, помните свои слова, начнем—так уж без остановки.

СОЛДАТ. Так точно, товарищ генерал-лейтенант.

РОКОССОВСКИЙ (выходя). Вот уж задам я вам перцу, товарищ командарм, за этот спектакль.

КОМАНДАРМ 65. Товарищ командующий, да я тут три недели не был! Это они именно от чистого сердца!

РОКОССОВСКИЙ (сердито). От чистого сердца! (Думает.) Да... Ну, что ж! Пока никаких замечаний, товарищ командарм, у меня нет... (Смеется.) Рад бы придраться, да не к чему. Товарищ Сталин приказал: на фронте шестьдесят пятой армии атак и демонстраций не должно быть. Зарыться глубже, зарыться прочно — и никакой активности! Из вновь прибывающих дивизий ни единого бойца или офицера в разведку не посылать, противник не должен знать о прибытии этих частей.

КОМАНДАРМ 65. Слушаюсь, товарищ командующий.

Появляется полковник.

ПОЛКОВНИК. Товарищ генерал-лейтенант, разрешите обратиться!

РОКОССОВСКИЙ. Да?

ПОЛКОВНИК. Прибыл генерал — Васильев, кажется, не разобрал...

Идет Василевский.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Здравствуйте, Константин Константинович! Здравствуйте, Павел Иванович! Что поделываете?

КОМАНДАРМ 65. Вот путешествуем по окопам, товарищ генерал-полковник!

ВАСИЛЕВСКИЙ. Занятное путешествие. И я с вами.

ОКОПЫ

Василевский, Рокоссовский, командарм 65.

ВАСИЛЕВСКИЙ (солдату). Как противник?

СОЛДАТ. Румыны, известно... Неведомо, кого они больше боятся — нас или немцев.

ВАСИЛЕВСКИЙ. У вас очень выгодный рубеж, товарищ командарм. Держитесь за него крепко.

КОМАНДАРМ 65. Обороняем неплохо....

ВАСИЛЕВСКИЙ (улыбаясь). Ну, ведь не вечно мы будем сидеть в обороне! Ну, до свидания. Я собираюсь в Москву, Константин Константинович, с докладом.

РОКОССОВСКИЙ. Когда?

ВАСИЛЕВСКИЙ. Сегодня же.

РОКОССОВСКИЙ. Вот как? Тогда поехали ко мне. До свидания, Павел Иванович.

ВАСИЛЕВСКИЙ. До свидания!

КОМАНДАРМ 65. До свидания.

МОСКВА, СТАВКА, КАБИНЕТ ПОСКРЕБЫШЕВА

Через кабинет, здороваясь с Поскребышевым, торопливо проходят в кабинет Сталина генералы, полковники, майоры. Оттуда они через некоторое время выходят и, так же торопливо попрощавшись с Поскребышевым, уходят. Прошел Воронов... Вышел Молотов, потом снова возвратился. Проходят Щербаков, Ворошилов, Василевский.

Звонок из кабинета Сталина. Поскребышев торопится туда. Возвращается, набирает номер.

— Товарищ Рыбалко, товарищ Сталин срочно просит вас к себе. (Кладет трубку. Звонок. Берет трубку.) Не могу вызвать, товарищ Вышинский, товарищ Молотов у товарища Сталина. (Входит Хрулев.) Здравствуйте, товарищ Хрулев, прошу!

Хрулев идет в кабинет. Звонок из кабинета Сталина. Поскребышев идет туда и возвращается. Набирает номер телефона:

— Товарища Федоренко к товарищу Сталину... Разыщите, срочно нужен. Кто у вас по формированию танковых корпусов? Просьба прибыть вместе с товарищем Федоренко.

В кабинет с бумагами идет Берия. Навстречу выходит Хрулев. Жуков, Антонов, Штеменко проходят в кабинет Сталина. Идет Рыбалко.

РЫБАЛКО. Начали, товарищ Поскребышев?

ПОСКРЕБЫШЕВ. Да, да, товарищ Рыбалко.

Рыбалко проходит в кабинет Сталина. Здесь Сталин, члены правительства, военные. Сталин ходит по кабинету.

ВАСИЛЕВСКИЙ (продолжает свой доклад). ...все это позволяет вывести заключение, что время для реализации идеи Верховного Главнокомандования, идеи, положенной в основу докладываемого плана, пришло, и оно выгодно для нас. Я напомню: стратегический план Верховного Главнокомандования включал в себя несколько последовательных целей: осуществление ряда оборонительных операций, во-первых. Они были направлены к изматыванию и ослаблению врага. Затем: выигрыш времени. Оно выиграно, и мы накопили силы и средства для контрнаступления. Теперь мы приступаем к осуществлению заключительного этапа плана...

Общее движение. Василевский делает паузу. Все слушают его с чрезвычайным вниманием.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Операция задумана как разгром вначале фланговых группировок противника.

СТАЛИН. Я поясню: у них на флангах румыны и итальянцы.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Главный удар наносится с севера и с юга. Последующее охватывающее движение должно в течение пяти дней закончиться окружением основных сил противника — шестой армии Паулюса и четвертой танковой Готта.

СТАЛИН. Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов замкнут кольцо окружения в районе Калач.

Общее движение.

СТАЛИН. Продолжайте, товарищ Василевский.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Это будет согласованная операция трех фронтов (по карте): Юго-Западного — товарищ Ватутин, Сталинградского — товарищ Еременко и Донского — товарищ Рокоссовский. Для усиления первых двух фронтов из резерва Ставки передаются дополнительно четыре стрелковых дивизии, два танковых и два кавалерийских корпуса...

Всех ошеломляют эти цифры. Лишь Сталин, затаив усмешку, ходит по кабинету.

ВАСИЛЕВСКИЙ: ...тридцать четыре артиллерийских и минометных полков...

ОДИН ИЗ ГЕНЕРАЛОВ (Воронову). Когда вы успели?

ВОРОНОВ. То ли будет!

ВАСИЛЕВСКИЙ. И Сталинградскому фронту еще тринадцать танковых полков, шесть мотобригад и одна танковая.

СТАЛИН. Не считая танковых корпусов, о которых тут уже говорилось.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Что касается деталей операции, они, по мысли товарища Сталина, должны быть разработаны представителями Ставки с командующими фронтами на месте.

СТАЛИН. Жуков еще летом был переведен из района Сталинграда на Украинский фронт. У нас давно уже нет представителя Ставки в районе Сталинграда. Есть предложение назначить товарища Василевского представителем Ставки в районе Сталинграда на все время операций. Нет возражений? Решено. Заключительный вопрос — день начала контрнаступления.

ВАСИЛЕВСКИЙ. В ноябре, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Мы начинаем наступление в районе Сталинграда в ноябре.

ШТАБ ПАУЛЮСА

Паулюс и Шмидт.

ПАУЛЮС. Нам снова приказано атаковать Сталинград. (Пауза. Адъютанту.) Соедините меня с генерал-фельдмаршалом Вейхсом.

АДЪЮТАНТ. Фельдмаршал, господин генерал-полковник.

ПАУЛЮС. Здравствуйте, господин генерал-фельдмаршал. Сообщаю: разведка обнаружила перегруппировку русских частей на фронте севернее Сталинграда. Отмечается прибытие крупных соединений. Сосредоточение происходит в районе расположения румынских корпусов. (Слушает.) Да, слушаюсь, господин генерал-фельдмаршал. (Кладет трубку.) Шмидт, распорядитесь (показывает по карте) усилить армейский корпус Штреккера, особенно его левый фланг. Пусть он создаст мобильные группы. Следует ожидать атаки русских на левом крыле нашей армии.

ШМИДТ. Не преждевременны ли ваши опасения?

ПАУЛЮС. Прошу вас выполнить мой приказ. Я знаю, что делаю!

ШМИДТ. Слушаюсь.

ПАУЛЮС. Атаку на Тракторный завод начинайте через три дня—четырнадцатого октября. Завод должен быть взят и армия Чуйкова разрезана и уничтожена.

ШМИДТ. Там дерется только что прибывшая к Чуйкову сибирская дивизия Гуртьева — отчаянные и упорные люди.

ПАУЛЮС. Бросьте на нее всю мощь артиллерии и авиации. Либо мы выиграем эту последнюю битву, либо... Либо — да поможет нам бог!

На фоне боевых кадров — Титр:

80 ЧАСОВ ПОДРЯД—3 НОЧИ И 3 ДНЯ—НЕМЕЦКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ, МИНОМЕТЫ И АВИАЦИЯ БИЛИ ПО СИБИРСКОЙ ДИВИЗИИ ПОЛКОВНИКА ГУРТЬЕВА. 80 ЧАСОВ СНАРЯДЫ, БОМБЫ, МИНЫ ОБРУШИВАЛИСЬ НА ЗАВОД, НА ОБОРОНУ ДИВИЗИИ, НА ЕЕ КОМАНДНЫЕ ПУНКТЫ И ТЫЛЫ.

Карта боев за Тракторный завод.

Диктор:

— Четырнадцатого октября, на рассвете, немцы ввели в бой свежую дивизию, усиленную ста пятьюдесятью танками. Пьяные фашистские орды шли стеной на обескровленную дивизию Гуртьева. К исходу дня немцы прорвались к заводу и отрезали от армии Чуйкова группу полковника Горохова, — она сражалась в полном окружении до девятнадцатого ноября.

ШТАБ ЧУЙКОВА

ЧУЙКОВ (говорит по телефону). Немцы заняли Тракторный сегодня к исходу дня, товарищ командующий! А что я мог сделать?! Сила солому ломит. Противник начал новую атаку в районе «Баррикады». (Слушает.) Поддержите нас, товарищ командующий!

МОСКВА. СТАВКА

Сталин и Василевский.

СТАЛИН. Тракторный сдан. Противник рвется к «Баррикадам» — хочет разрубить шестьдесят вторую армию еще раз и уничтожить ее по частям. Этого нельзя допустить! Прикажите Рокоссовскому контратаковать противника с севера. Вот здесь. (Показывает по карте.) И прикажите Еременко передать Чуйкову из резерва фронта дивизию Людникова.

БЕРЕГ ВОЛГИ У ЗАВОДА «БАРРИКАДЫ»

В глухой тьме высаживается дивизия Людникова с бронекатеров и баркасов — их очертания едва видны в ночи.

Голоса в темноте:

— Полковник Людников?

— Здесь.

— От командующего. Вам приказано занять позиции. (В укрытии, под каким-то ящиком, при свете фонарика видны лица Людникова и офицера связи, склонившихся над картой Сталинграда.) Вот здесь... Разграничение с Горишным здесь... Тут немцы... Севернее — отрезанная от армии группа Горохова.

— Понимаю. Командиры полков!

Несколько лиц склоняются над картой.

ЛЮДНИКОВ. Мой начальник штаба.

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

С. А. СЕМЕНОВ

С. С. ШКОЛЬНИКОВ

В. Э. ТОМБЕРГ

В. Н. МУРОМЦЕВ

— Здравствуйте.

ЛЮДНИКОВ. Принимай позиции.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

На берегу строятся роты... Тихое позвякивание оружия, котелков, сдержанный кашель.

Голоса:

— Шестьсот пятидесятый полк готов?

— Готов.

— Тихо, не курить, не разговаривать. Итти гуськом... Вперед!

В ночной тьме движутся полки Людникова.

ЛЮДНИКОВ У ЧУЙКОВА

Чуйков, Гуров, заведующий коммунальным хозяйством завода «Баррикады».

ЧУЙКОВ. Так в чем же дело, дорогой товарищ?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Товарищ начальник! Происходит вопиющее безобразие, полный подрыв вверенного мне коммунального ведомства завода «Баррикады». (Начинает кричать.) По баням бьют, а? По прачечным, подлецы, лупят, словно нет других объектов! Требую принятия срочнейших мер, иначе всю ответственность с себя снимаю официально.

Гуров хохочет, отвернувшись. Чуйков надевает очки.

ЧУЙКОВ. Докладная записка есть?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Как?

ЧУЙКОВ. Официальная докладная записка?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Сию минуту! Как же, как же, составлена по всей форме.

ЧУЙКОВ (читает докладную записку, берет перо, пишет). Прошу.

ЗАВЕДУЮЩИЙ (читает). Гм. гм... «Командующему пятьдесят первым армейским корпусом генералу Зейдлитц. Прекратите безобразное разрушение коммунальных объектов завода «Баррикады», иначе будете привлечены к ответственности по всем пунктам Гаагской конференции. Чуйков». Так-с... Очень хорошо... Премного благодарен... Сейчас же дадим ход... Доброго здоровья. (Уходит.)

Чуйков и Гуров покатываются со смеха.

Заведующий возвращается.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Виноват, но куда же мне с означенной резолюцией направиться?

Входит Людников.

ЧУЙКОВ. Вот к нему, товарищ заведующий.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Адресочек, адресочек!

ЧУЙКОВ. Завод «Баррикады»—передний край сто тридцать восьмой дивизии.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Премного благодарен. Увидимся! Пока! (Уходит.)

ЧУЙКОВ. Ну, здравствуй, старый знакомец, здравствуй, Иван Ильич.

ЛЮДНИКОВ. Здравия желаю, товарищ командующий.

ЧУЙКОВ (Гурову). Старый вояка, в армии четверть века, из шахтеров, академию Фрунзе окончил, много лет работал в Генеральном Штабе — этот не подведет!

ГУРОВ. Подготовили бойцов к Сталинграду? Тут не полевой бой. Мы тут ползком...

ЛЮДНИКОВ. Так точно. Партийная организация сделала много, люди знают, куда пришли.

ЧУЙКОВ (по карте). Немцы сосредоточили силы против завода «Баррикады». Хотят еще в одном месте расколоть фронт армии. Задача: не допускать дальнейшего распространения противника, не пускать его к Волге в район «Баррикад».

ЛЮДНИКОВ. Можно выполнять поставленную задачу?

ЧУЙКОВ. Да.

На фоне боя — титр:

БОИ НА ЗАВОДЕ «БАРРИКАДЫ» — В ЦЕХАХ, НА ДВОРАХ, В КОНТОРСКИХ ДОМАХ, ЗА КАЖДЫЙ КУСОК ЗЕМЛИ — ШЛИ В ТЕЧЕНИЕ НЕСКОЛЬКИХ НЕДЕЛЬ. СОЛДАТЫ ЛЮДНИКОВА, ИСПОЛЬЗУЯ РАЗВАЛИНЫ ЗАВОДА, ОТБИВАЛИ АТАКИ НЕМЦЕВ. САМОЛЕТЫ ВРАГА КРУЖИЛИСЬ НАД СТАЛИНГРАДОМ — СОТНИ, ТЫСЯЧИ БОМБ ПАДАЛИ НА ЗАВОД, РАЗРУШАЯ ЕЩЕ НЕРАЗРУШЕННОЕ. ГОРЕЛ СТАЛИНГРАД, ЧЕРНЫМ ПЕПЛОМ ОСАЖИВАЛАСЬ ГАРЬ НА ТОЛЬКО ЧТО ВЫПАВШИЙ СНЕЖОК. ПРИБЛИЖАЛАСЬ ЗИМА. ВОЛГА ДОЛЖНА БЫЛА СТАТЬ, С ЧАСУ НА ЧАС ОЖИДАЛИ ЛЕДОСТАВА. И ПОД ГРОХОТ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ, НАКАНУНЕ 25-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ЗАЩИТНИКИ СТАЛИНГРАДА ПИСАЛИ ПИСЬМО СВОЕМУ ВОЖДЮ...

БЛИНДАЖ ЧУЙКОВА

Чуйков и Гуров.

ЧУЙКОВ (пишет и вслух читает написанное). «...Мы пишем Вам... на крутом берегу великой русской реки Волги, пишем, чтобы сказать Вам и через Вас всему советскому народу...».

Крики и шум раздаются вблизи и доходят до блиндажа.

ЧУЙКОВ. В чем дело?

АДЪЮТАНТ (вбегает). Немцы в полкилометре от командного пункта.

ГУРОВ. Ну и что?

АДЪЮТАНТ. Они заходят нам в тыл!

ЧУЙКОВ. Спокойно! Собрать охрану штарма. Отбить противника!

Бой охраны штаба армии с прорвавшимся врагом. Немцы спустились с кручи волжского обрыва и, перебегая, устремляются к командному пункту. Адъютант Чуйкова ведет роту охраны в атаку.

БЛИНДАЖ ЧУЙКОВА

ГУРОВ (продолжая писать). «...чтобы сказать Вам и через Вас советскому народу, что дух наш бодр, как никогда, воля тверда...».

ЗАЙЦЕВ (в своем укрытии пишет огрызком карандаша). «... руки наши не устали разить врага...».

ПАВЛОВ (в своем доме пишет). «...решение наше — стоять насмерть у стен Сталинграда...».

БЛИНДАЖ ГОРОХОВА

ГОРОХОВ (пишет). «... Под Сталинградом мы защищаем нашу Родину, защищаем все, что нам дорого, без чего мы не можем жить...» (Зуммер телефона. Горохов берет трубку.) Да, Горохов, товарищ командующий... Все атаки отбиты. Окружены, но деремся... Вот это хорошо! (Окружающим.) Прибыла дивизия Людникова! (Пишет.) «Здесь под Сталинградом решается судьба нашей Родины...».

«КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ»

СОЛДАТ (пишет). «... решается вопрос — быть или не быть свободным советскому народу...».

БЛИНДАЖ ГУРЬЕВА

ГУРЬЕВ (пишет). «Я, командир гвардейской дивизии Гурьев, и мои бойцы клянемся вам...».

БЛИНДАЖ БАТЮКА

БАТЮК (пишет). «...Я, полковник Батюк, мои бойцы и офицеры клянемся вам — до последнего дыхания, до последнего удара сердца будем отстаивать Сталинград...».

БЛИНДАЖ ЧУЙКОВА

ГУРОВ (пишет). «... и не допустим врага к Волге...».

...И вот огромное количество подписей видим мы под этим письмом... Подписывают Родимцев, Батюк, Гурьев, Гуртьев, Горохов, Пожарский.

Подписывает Зайцев между счетом: Двести пятнадцать. (Стреляет, подписывает письмо, стреляет.) Двести шестнадцать!

БЛИНДАЖ ЧУЙКОВА

ЧУЙКОВ (читает конец письма). «...будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге...» (Ставит подпись.)

Чудовищный грохот канонады обрушивается на блиндаж.

КРЫЛОВ (входит). Начали!

ЧУЙКОВ. Где?

КРЫЛОВ. В стыке между Горишным и Людниковым — на «Баррикады».

ЧУЙКОВ. Какими силами наступает противник?

КРЫЛОВ. Пять дивизий с танками...

ЧУЙКОВ. Хочет повторить октябрьскую баню. Ну, что ж! Недаром мы поклялись товарищу Сталину биться до последнего дыхания... Приказываю полковнику Горохову перейти в контрнаступление, чтобы отвлечь силы противника от Людникова. Дивизии Горишного: ударом на север правого фланга вдоль берега Волги войти в локтевую связь с Людниковым. Батюку: перейти в контрнаступление (по карте) в этом направлении. Задача: восстановить положение на участке дивизии Людникова.

КРЫЛОВ. Слушаюсь.

ЧУЙКОВ. Я к Людникову!

НОЧЬ НА ВОЛГЕ

Чуйков и адъютант на берегу Волги. Снег идет, холодом тянет с реки. Черны, мрачны ее воды...

ЧУЙКОВ. Ледостава жди с часа на час.

АДЪЮТАНТ. Вот уж тогда беда, товарищ командующий! Связь с левым берегом рухнет... Ледоход тут продолжается дней десять.

ЧУЙКОВ. Бог помилует, свинья не сожрет. Ну поползли!

Чуйков, адъютант и сопровождающие их автоматчики ползут вдоль Волги, прижимаясь к береговому откосу. Ползут по снегу, по грязи. Падают мины, снаряды... Взрывы... Чуйков ползет...

КОМАНДНЫЙ ПУНКТ ЛЮДНИКОВА

Людников и Чуйков.

ЛЮДНИКОВ (по карте). Мой фронт теперь идет так, товарищ командующий: четыреста метров вдоль Волги и шестьсот метров глубиной. Между мной и дивизией Горишного — двести метров. Они-то и заняты противником. Однако, заняв обрыв волжского берега, противник фактически к Волге не вышел. Ему мешает слева Горишный, он держит под обстрелом вот этот район берега, а здесь их не пускаем к Волге мы.

ЧУЙКОВ. Скверное положение. Не позиции, а пятачок—все простреливается насквозь.

Зуммер телефона.

ЛЮДНИКОВ. Да. Что?

ЧУЙКОВ. Что там?

ЛЮДНИКОВ. Лед на Волге, товарищ командарм. Шуга невиданной силы.

Зуммер.

ЛЮДНИКОВ. Да. Людников. Что? Опять начали!

Грохот канонады...

Волга.

Сплошной массой идет лед.

МОСКВА. СТАВКА.

СТАЛИН (читает сводки). «Дивизия Людникова на всем фронте отражала яростные атаки противника...»

«Атаки немцев на участке завода «Баррикады» с целью полного окружения дивизии...»

«Дивизия окружена. Продовольствие и снаряды сбрасываются с самолетов. Ледоход полностью прервал сообщение с левым берегом; в дивизии нет боеприпасов, пополнение не прибывает, раненые не вывозятся».

Сталин ходит по кабинету, лицо его сурово.

СТАЛИНГРАД. БЛИНДАЖ ЛЮДНИКОВА

Людников, начальник штаба дивизии, военврач Сима Озерова.

ЛЮДНИКОВ. Пиши. «Устанавливается следующий рацион питания бойцов и командиров сто тридцать восьмой дивизии: на человека в день сухарей двадцать пять граммов, сала десять граммов, крупы двенадцать граммов, соли три грамма. За превышение — расстрел!» Все! Что тебе, Озерова?

Начальник штаба уходит.

СИМА. Товарищ полковник, в дивизии скопилось триста пятьдесят раненых.

ЛЮДНИКОВ. Знаю, товарищ Озерова. На самом командном пункте — пятьдесят раненых.

СИМА. Нет медикаментов.

ЛЮДНИКОВ. Знаю, Сима.

СИМА. Вы знаете! А что же нам делать?

ЛЮДНИКОВ. Держаться, Сима.

СИМА. Надо вывезти раненых.

ЛЮДНИКОВ. Бронекатеры не могут к нам пробиться.

СИМА. Они пробовали?

ЛЮДНИКОВ. Каждую ночь с тех пор, как нас окружили.

СИМА. Так... Можно итти, товарищ полковник?

ЛЮДНИКОВ (печально). Можно итти, Озерова.

СИМА ИДЕТ ЧЕРЕЗ ВОЛГУ

Сима на берегу. Муть рассвета. С грохотом, с шипением ползут по Волге льдины, карабкаются друг на друга, ломаются. Страшные черные полыньи между ними. Сима дождалась большой льдины, прыгает на нее. В руках у Симы шест. Она шагает с льдины на льдину... Она почти у острова Зайцевского, который на этом месте делит Волгу на два рукава. Ее замечают немцы. Начинается обстрел.

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

А. И. СОЛОГУБОВ

Б. К. МАКАСЕЕВ

В. А. ШТАТЛАНД

В. С. ЕШУРИН

Мины и снаряды падают в реку, бьют лед, куски его осыпают Симу, она продолжает свой путь... Забили пулеметы с волжского откоса. Сима идет, не оборачиваясь. Остров. Она бегом пересекает его. Снова Волга... Снова с льдины на льдину, с льдины на льдину. Но вот впереди полынья — черное, широкое разводье, это уже почти около самого берега.

Сима не знает, что ей делать, потом решается. Шинель сброшена — Сима бросается в воду и плывет. На левом берегу ее заметили. Отчаливает лодка, Симу встречают, вытаскивают из воды, дрожащую, жалкую...

СИМА. К командиру бронекатеров! Скорей!

ЛОДОЧНИК. Сначала переоденем, водкой напоим, а уж потом...

СИМА. Я сказала—грести к контр-адмиралу! Ну!

СИМА У КОНТР-АДМИРАЛА

КОНТР-АДМИРАЛ. Вы с того берега?

СИМА. Да... Вот — прошла.., Я военврач. Четыреста раненых, медикаментов нет, патронов нет, хлеба нет... Я прошла, неужели катера не пройдут? Товарищ контр-адмирал!

КОНТР-АДМИРАЛ (берет трубку телефона). Бронекатерам номер одиннадцать, тринадцать, шестьдесят один, шестьдесят три, пароходам «Спартак», «Пугачев», «Панфилов»... Идем в шестьдесят вторую армию! Грузить боеприпасы, медикаменты, пополнение! Что? Девушка через Волгу перешла, так неужели мы не перейдем? Грузиться, морские волки!

СИМА. Спасибо! (Падает без сознания.)

БРОНЕКАТЕРЫ НА ВОЛГЕ

Сквозь несущиеся льдины, через огонь врага, наперекор всему отважные бронекатеры Волжской военной флотилии пересекают Волгу. Немцы освещают реку ракетами, они усиливают огонь, бронекатеры идут и идут к цели, в Сталинград.

На этом фоне — титр.

МЕЖДУ ТЕМ ЮГО-ЗАПАДНЫЙ, ДОНСКОЙ И СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТЫ ЗАКАНЧИВАЛИ ПОДГОТОВКУ К НАЧАЛУ ОПЕРАЦИИ.

ПЕРЕД ВЕЛИКОЙ БИТВОЙ

Военный Совет трех фронтов.

Ватутин, Рокоссовский, Еременко.

Ведет Совет Василевский. Вечер. Совет заседает в деревенской избе. На стене — огромная карта со стрелами сходящихся ударов.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Товарищ Ватутин, когда Юго-Западный фронт закончит подготовку к операции, которую мы начинаем девятнадцатого ноября?

ВАТУТИН. Все готово, товарищ генерал-полковник. Ждем этого дня, как праздника.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Начал с вас, потому что ваша ударная группировка наносит главный удар.

ВАТУТИН. Я лично проверил все, товарищ генерал-полковник, и проверю еще раз за оставшиеся дни.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Товарищ Рокоссовский, Донской фронт наносит вспомогательный удар. Все ли у вас готово?

РОКОССОВСКИЙ. Все, товарищ генерал-полковник, но я еще и еще раз проверю.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Ударная группировка Сталинградского фронта, товарищ Еременко, начнет наступление на день позже. Сил у вас не так много... Мы заставим противника привлечь все внимание к удару с северо-запада, измотаем его за день, потом начнете вы.

ЕРЕМЕНКО. У меня все готово, товарищ Василевский, но лишний раз проверить не мешает...

ВАСИЛЕВСКИЙ. Итак, мы начинаем наступление в районе Сталинграда через двенадцать дней, девятнадцатого ноября. Второе, после московской битвы, наступление большой мощи и несравнимое по задаче, поставленной перед нами. Должен быть достигнут перелом в ходе всей войны. В ходе всей истории. (Пауза. Смотрит на часы.) Сейчас в Москве выступает товарищ Сталин...

И наплывом на эти слова

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

в Андреевском зале в Кремле — в честь 25-летия Октябрьской Социалистической революции; лучшие люди Москвы слушают слова Сталина.

СТАЛИН. Я думаю, что никакая другая страна и никакая другая армия не могли бы выдержать подобный натиск озверелых банд немецко-фашистских разбойников и их союзников. Только наша советская страна и только наша Красная Армия способны выдержать такой натиск.

Бурные аплодисменты.

СТАЛИН. И не только выдержать, но и преодолеть его!

И людские толпы

у репродукторов, слушающие заключительные слова приказа Сталина:

— Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!

КОНЕЦ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ

Перелистывается страница летописи.

Надпись:

НАСТУПАЛ ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ РАСПЛАТЫ С ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ.

Перелистывается страница. На обороте ее—карта всех трех фронтов крупного масштаба.

Диктор:

— Хотя немцы и знали о передвижении наших частей на Юго-Западном фронте Ватутина (стрелка показывает) **и на правом крыле Сталинградского фронта** (стрелка показывает), **тем не менее они не представляли ни численности подходящих войск, ни их технического оснащения. Не знали они также о размерах готовящейся операции, ни о направлении главных ударов** (стрелка показывает удары с севера и с юга). **Не знали они хотя бы приблизительного срока начала грандиозной битвы. Стратегическая неожиданность была достигнута.**

И мы видим силы и средства, выставленные для этого дня всей нашей страной.

В укрытиях и в балках западнее и южнее Сталинграда стоят танки.

Диктор:

— Тысяча сто сорок танков были готовы ринуться на немцев.

Орудия и минометы всяких калибров на огневых позициях.

Диктор:

— Пять тысяч шестьсот двадцать девять орудий должны обрушить всю свою мощь на врага. Заводы страны дали одиннадцать тысяч четыреста минометов, не считая гвардейских.

В боевой готовности стоят самолеты.

Диктор:

— Более тысячи самолетов участвовали в этой битве.

Кавалерия.

Диктор:

— Сюда же были направлены три кавалерийских корпуса, механизированные корпуса и огромнейшее количество боевых средств. Командующие фронтами и армиями проверяли готовность войск к бою — штабы работали день и ночь.

ШТАБ 21-й АРМИИ

Здесь Василевский, командарм 21. Негромкий, медленный разговор. Входит офицер.

ОФИЦЕР. Товарищ генерал-полковник, разведка докладывает — четырнадцатая танковая дивизия переброшена Паулюсом из-под Сталинграда в этот район (показывает по карте).

ВАСИЛЕВСКИЙ. Свяжите меня с командующим Сталинградским фронтом, товарищем Еременко.

АДЪЮТАНТ. Командующий Сталинградским фронтом, товарищ генерал-полковник!

ВАСИЛЕВСКИЙ (берет трубку ВЧ). Здравствуйте, товарищ Еременко, говорит Василевский. Паулюс перебросил из Сталинграда четырнадцатую танковую дивизию в район действий двадцать первой армии. Прикажите Чуйкову не допускать отвода частей противника от Сталинграда. Пусть контратакует их. (Кладет трубку.) Еще раз уточним, товарищ командарм, операцию на вашем фронте...

КОМАНДАРМ 21 (по карте трех фронтов). Ударные группы двадцать первой армии, товарищ генерал-полковник, выходят в район Калача, захватывают переправы через Дон и закрывают все пути отхода неприятелю с левого берега на запад. К исходу двадцать третьего ноября правофланговые части выйдут в район хутор Советский и совместно с частями Сталинградского фронта прочно замкнут кольцо окружения. Главный удар наносим левым флангом армии на участке Распопинская — Клетская. Фронт прорыва — двенадцать километров. Вспомогательный удар правым флангом армии с целью окружить пятый румынский армейский корпус в районе Распопинской. С воздуха нас прикрывает семнадцатая воздушная армия...

ВАСИЛЕВСКИЙ. Все готово, товарищ командарм?

КОМАНДАРМ 21. Все эти дни пробыл в частях, товарищ генерал-полковник. Командиры знают задачу в совершенстве.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Хорошо. До свидания, я в пятую танковую

ШТАБ 5-й ТАНКОВОЙ АРМИИ

Ватутин, Василевский, командарм 5-й танковой.

ВАТУТИН. Все складывается очень хорошо, товарищ командарм.

КОМАНДАРМ 5. На направлении главного удара преимущество и в людях, и в танках, и в орудиях, и в минометах на нашей стороне.

ВАТУТИН. Еще раз уточняем задачу, товарищ командарм.

КОМАНДАРМ 5 (по карте всех фронтов). Я бью центром армии на участке десять километров. Правофланговый удар обеспечивается кавалерийским корпусом и девятнадцатой стрелковой дивизией...

ВАСИЛЕВСКИЙ. Разведка уточнила, товарищ Ватутин, состав неприятельской группировки на сталинградском стратегическом направлении. У немцев уже нет возможности восполнить убыль немецких дивизий и они это делают за счет итальянцев и румын. Сейчас на фронте тринадцать итальянских дивизий, а еще в августе было восемь, румынских дивизий сейчас семнадцать, а было четыре...

ВАТУТИН. Поиздержались... Обстановка позволяет мне надеяться на успех, товарищ Василевский.

ВАСИЛЕВСКИЙ (адъютанту). Соедините меня с Рокоссовским.

ШТАБ 65-й АРМИИ ДОНСКОГО ФРОНТА

Рокоссовский и командарм 65.

КОМАНДАРМ 65. Итак, я наношу, товарищ командующий, главный удар для обеспечения левого фланга Юго-Западного фронта. Совместно с левым флангом двадцать первой армии и правым флангом двадцать четвертой я окружаю и уничтожаю задонскую группировку противника — одиннадцатый армейский корпус Штреккера. Главный удар наношу на фронте в шесть километров в районе Клетская — Мело-Клетская (по карте). Шестнадцатая воздушная армия поддерживает меня с воздуха.

Звонок ВЧ.

АДЪЮТАНТ. Вас, товарищ командующий фронтом.

РОКОССОВСКИЙ (берет трубку). Да. Здравствуйте, Александр Михайлович! Все в порядке. Все проверено. Ждем нашего часа.., (улыбаясь) и праздника на нашей улице.

ШТАБ КОМАНДАРМА 51 СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА

Хрущев и командарм 51.

КОМАНДАРМ 51. Во взаимодействии с пятьдесят седьмой армией я начинаю атаку двадцатого ноября. Задача — уничтожение противостоящего мне шестого румынского корпуса. Четвертый механизированный корпус, войдя в прорыв и овладев рубежом Карповка — Советский, соединится с подвижными соединениями Юго-Западного фронта и замкнет кольцо окружения противника. После прорыва оборонительной полосы противника моей армии поставлена задача — обеспечить левый фланг Сталинградского фронта.

ХРУЩЕВ. Хорошо...

ШТАБ ТОЛБУХИНА

Еременко, его начальник штаба, Толбухин, военные.

ЕРЕМЕНКО. Итак, Федор Иванович, повторяю еще раз: во взаимодействии с правым флангом пятьдесят первой армии вы уничтожите вторую и восемнадцатую пехотные румынские дивизии. Механизированным корпусом вы выходите на реку Червленную на участке Нариман — Рокотино и отрезаете пути отхода немцев на юг и на юго-запад.

ТОЛБУХИН. Так точно, товарищ генерал-полковник. Я готов!

ЕРЕМЕНКО. Шестьдесят четвертой армии обеспечить правый фланг вашей ударной группы. Чуйков будет прочно удерживать восточную часть Сталинграда, а после вашего прорыва перейдет в наступление. Задача — не допустить снятия Паулюсом дивизий с фронта шестьдесят второй армии!

ТОЛБУХИН. Как говорится,—дай бог удачи!

ЕРЕМЕНКО. Удача должна быть! Должен быть праздник на нашей улице!

Титр:

И ЭТОТ ДЕНЬ НАСТАЛ. В НОЧЬ НА 19 НОЯБРЯ УДАРНЫЕ ЧАСТИ ЗАНЯЛИ ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ.

И снова мы видим громаду войск и техники, приготовленных к этому дню.

В укрытиях и в балках западнее и южнее Сталинграда стоят танки.

Титр:

1140 ТАНКОВ БЫЛИ ГОТОВЫ РИНУТЬСЯ НА НЕМЦЕВ.

Орудия всяких калибров на огневых позициях.

Титр:

5629 ОРУДИЙ и 11 400 МИНОМЕТОВ ДОЛЖНЫ ВСЕЙ МОЩЬЮ ОБРУШИТЬСЯ НА ВРАГА.

В боевой готовности стоят самолеты.

Титр:

БОЛЕЕ 1000 САМОЛЕТОВ ПРЕДНАЗНАЧАЛОСЬ К УЧАСТИЮ В ЭТОЙ БИТВЕ.

Кавалерия.

Титр:

СЮДА ЖЕ БЫЛИ НАПРАВЛЕНЫ 4 КАВАЛЕРИЙСКИХ КОРПУСА, МЕХАНИЗИРОВАННЫЕ КОРПУСА И ОГРОМНЕЙШЕЕ КОЛИЧЕСТВО БОЕВЫХ СРЕДСТВ...

МОСКВА. СТАВКА

Часы на Спасской башне бьют семь раз.

Сталин в кабинете — ходит туда-обратно, туда-обратно.

Рядом в своем кабинете — Поскребышев, прислушивается к ударам курантов.

ФРОНТ. ОКОП

Политический работник беседует с бойцами.

ПАРТОРГ. Сегодня великий день! Сегодня товарищ Сталин и Красная Армия начинают изгнание врага с нашей земли!..

ДРУГОЙ ОКОП

Пехота докуривает цыгарки, пряча их в рукава.

Листок бумаги перед одним из бойцов.

На нем: «Сегодняшний день — самый счастливый в моей жизни. Я решил в этот час пойти в бой сыном партии Ленина — Сталина. Прошу принять меня в нашу великую партию большевиков. Буду сражаться по-сталински!»

СПАССКАЯ БАШНЯ

7 часов 30 минут.

Крупно, на весь экран титр:

19 НОЯБРЯ.

НА НАБЛЮДАТЕЛЬНОМ ПУНКТЕ 5-й ТАНКОВОЙ

Василевский, Ватутин и все с ними выходят из блиндажа на возвышенность.

Взвиваются ракеты.

И вот залпы, залпы. Тысячи орудий и минометов сотрясли воздух...

В небо поднимаются самолеты и уходят к фронту.

Часы: 7.40.

Бушует огонь артиллерии.

Часы: 8.00.

Самолеты над позициями немцев.

Часы: 8.15.

У немцев. Там, где артиллерия и авиация двух фронтов сеют смерть и ужас. Взлетают в воздух целые батареи, падают балки, перекрытия дотов. Здесь мечутся обезумевшие солдаты: бегут неведомо куда. Снаряды и бомбы рвутся, превращая все в пыль, в прах.

Часы: 8.20.

Бегут роты, батальоны, полки немцев, румын.

Часы: 8.30.

Дым, огненные полосы гвардейских минометов, разрывы бомб, ад, ужас.

Часы: 8.40.

СТАВКА ПАУЛЮСА В НИЖНЕЙ ГОЛУБИНКЕ

Паулюс у телефона. Он в ночной сорочке.

ПАУЛЮС. Да, я вас слушаю, господин генерал. Да, я слушаю, да, да!.. Я постараюсь сделать все, что в моих силах. (Кладет трубку.)

Вбегает Шмидт.

ШМИДТ. Они обрушили на нас тысячи тонн металла. Я никогда не думал... Я никогда не предполагал возможности так тщательно скрытых приготовлений. Огромнейший удар! Они ломают нашу оборону!

ПАУЛЮС (накидывая шинель). Прикажите командующему четырнадцатым танковым корпусом с шестнадцатой и двадцать четвертой танковыми дивизиями немедленно направиться в район возможного главного удара русских!

ШМИДТ. Но, господин генерал-полковник, он не может взять пехотные части, — они ввязались в бой. Чуйков наступает снова. Это неправдоподобно — наступать с жалкими остатками своей армии, но это так!

ПАУЛЮС. Пусть идет пока без пехотных частей. Немедленно, немедленно!..

Шмидт быстро уходит.

ПАУЛЮС (адъютанту). Соедините меня с фельдмаршалом Вейхсом.

АДЪЮТАНТ (звонит, слушает). Фельдмаршал Вейхс спит, господин генерал-полковник...

ПАУЛЮС (берет трубку). Говорит генерал-полковник Паулюс. Разбудите генерал-фельдмаршала. (Ждет.) Господин генерал-фельдмаршал, русские, повидимому, начали наступление на участке Вешенская—Клетская! Слушаюсь!

Часы: 8.50.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ ВАТУТИНА

ВАТУТИН (смотрит на часы). Восемь пятьдесят. Перенести огонь в глубину расположения частей противника.

Взвиваются ракеты.

МОСКВА. СТАВКА

СТАЛИН (у ВЧ). Так. Понимаю, товарищ Василевский. Пехота сейчас идет в атаку? Желаю успеха.

НА НАБЛЮДАТЕЛЬНОМ ПУНКТЕ 5-й ТАНКОВОЙ

КОМАНДАРМ 5 (смотрит на часы). Восемь пятьдесят. Приказ пехоте — при поддержке танков в атаку.

Взвивается новая серия ракет, и пехота, с танками впереди, идет на штурм переднего края немцев.

СПАССКАЯ БАШНЯ

Часы бьют 9 раз.

СТАЛИН (у ВЧ). Подвижным группам приступить к выполнению задачи, товарищ Ватутин!

И мы видим танки, выползающие из прикрытий. Они развертываются.

Панорама:

Танковая армия четырьмя маршрутами уходит на юго-запад и на юго-восток.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ КОМАНДАРМА 21

ВАТУТИН (у ВЧ). Докладываю, товарищ Сталин, позиции противника прорваны! Пехота ведет бой в глубине вражеской обороны.

Бой пехоты в глубине расположения немцев.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ 5-й ТАНКОВОЙ

Блиндаж.

ВАСИЛЕВСКИЙ (у ВЧ). Хорошо, товарищ Ватутин. Вводите в прорыв четвертый танковый корпус (кладет трубку, звонок)... Я слушаю вас, товарищ Рокоссовский!

Идут, покачиваясь, танки. На их плоскостях — пехота.

КОМАНДНЫЙ ПУНКТ 65-й АРМИИ

РОКОССОВСКИЙ (у ВЧ). Шестьдесят пятая армия, Александр Михайлович, перешла в наступление силами четырех стрелковых дивизий и двумя танковыми бригадами. Используя успех, достигнутый на фронте двадцать первой армии, ударная группа шестьдесят пятой продвигается...

Кадры боя.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ КОМАНДАРМА 5-й ТАНКОВОЙ

ВАСИЛЕВСКИЙ (у ВЧ). Прошу вас, Константин Константинович, обеспечить левый фланг ударной группы Юго-Западного фронта от ударов с востока. Не исключена возможность, что Паулюс начнет отвод частей Штреккера на восточный берег Дона. Не допустите этого!

Окружайте их. (Кладет трубку. Выходит.)

Большая панорама боя.

СТАВКА ВЕЙХСА

АДЪЮТАНТ. У аппарата генерал Цейтлер.

ВЕЙХС (у телефона). Господин начальник генерального штаба, большевики наращивают удар. Танки пятой танковой армии русских к тринадцати часам вышли на линию наступающей пехоты. Мои резервы исчерпаны. Стрелковые части из Сталинграда я взять не могу... (Слушает, кладет трубку. Адъютанту.) Соедините меня с командующим шестой армией фон-Паулюсом!

АДЪЮТАНТ. У аппарата, господин генерал-фельдмаршал.

ВЕЙХС. Господин генерал-полковник, начальник генерального штаба сухопутных войск Цейтлер разрешил бросить в бой шестьдесят вторую и двести девяносто четвертую пехотные дивизии из резерва, стоящего в районе Миллерово. Он сообщил также о том, что фюрер дал распоряжение взять с западного фронта одиннадцатую дивизию. Она на пути к нам... Фюрер приказал держать позиции во что бы то ни стало...

Панорама танкового боя.

ШТАБ ПАУЛЮСА

ПАУЛЮС (по телефону). Господин генерал-фельдмаршал, танки русских устремились на юг! Перехвачен приказ пехоте первого эшелона — очищать населенные пункты и уничтожать обороняющиеся точки. Я бы предложил вам, во избежание катастрофы, вывести одиннадцатый корпус Штреккера в Сталинград — он под угрозой окружения... (Слушает.) Но, господин фельдмаршал... Но, господин фельдмаршал...

Большая панорама боя.

МОСКВА. СТАВКА

СТАЛИН (у ВЧ)) Хорошо, очень хорошо! Можно вводить в прорыв кавалерийские корпуса? Вводите! Прикажите обходить сильно укрепленные пункты... Пусть громят тылы и штабы врага. Пусть преградят пути отхода корпуса Штреккера. Взять его группировку в клещи!

Кладет трубку, делает отметки на карте.

Панорама:

Стремительный марш кавалерийских частей.

ШТАБ ПАУЛЮСА

Паулюс и Шмидт.

ШМИДТ. Господин генерал-полковник, русский кавалерийский корпус заходит в тыл одиннадцатого армейского корпуса Штреккера! Штреккер настоятельно просит об отводе его частей...

ПАУЛЮС. Фельдмаршал приказал Штреккеру драться. Пусть дерется!

Большая панорама отхода немецких частей.

МОСКВА. СТАВКА

СТАЛИН (у ВЧ). Я опасаюсь, товарищ Василевский, не уйдет ли от нас Распопинская группировка румын? (Слушает.) Хорошо. Эти три дивизии должны быть окружены и уничтожены, товарищ Василевский! Какие приняты меры? Так. Так. (Отмечает по карте.) Хорошо!

Огромная панорама боя.

СТАВКА ГИТЛЕРА В ВИННИЦЕ

Кейтель и Цейтлер над картой с пометкой — 19 ноября.

КЕЙТЕЛЬ. Прорыв огромный... Они идут волной в эту брешь.

ЦЕЙТЛЕР. Это может оказаться катастрофой для всего восточного фронта. Кавказский фронт под ударом — атака на Клейста под Владикавказом ставит его в тяжелое положение. И теперь здесь...

Все склоняются над картой.

Боевые кадры.

МОСКВА. СТАВКА

Комната прямого провода

СТАЛИН (читает ленту). «Сражение развернулось на огромной территории и охватило всю оперативную глубину неприятельской обороны. В прорыв введены танковый, кавалерийский, механизированный корпуса. Обозначился успех на всех направлениях. Василевский». (Диктует капитану.) Поздравляю с успехом. Готов ли Сталинградский фронт?

Капитан работает. Ползет ответная лента.

СТАЛИН (читает ее). «Сталинградский фронт, согласно плану, начинает наступление завтра, двадцатого ноября. Василевский». (Диктует.) Не прекращать боевых действий и ночью. Преследуйте и уничтожайте врага.

На фоне ночных боев — титр:
20 НОЯБРЯ.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ 51-й АРМИИ

Рассвет медленно ползет над степью... Дымятся озера... Впереди едва различима цепь холмов... Эти холмы видит в бинокль командарм 51. Он и Хрущев на наблюдательном пункте армии на холме. Справа и слева вдали — озера. Туман стелется по степи, он становится все гуще и гуще, он закрывает дали...

КОМАНДАРМ 51. На тех высотах, товарищ член Военного Совета, противник — части двух румынских корпусов. Здесь выход на Плодовитое — наше главное направление.

Хрущев смотрит в бинокль. Туман сгущается. Очертания дальних высот пропадают... Теперь под холмом, где стоят Хрущев и командарм 51,— белое море тумана.

ХРУЩЕВ (смотрит на часы). Толбухин молчит...

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ ТОЛБУХИНА

Толбухин наблюдает за полем боя. Густейший туман перед ним. Появляется Еременко.

ЕРЕМЕНКО. Почему не начинаете артиллерийской подготовки, товарищ Толбухин?

ТОЛБУХИН. Как же начинать, товарищ генерал-полковник? Стрелять в белый свет, как в копеечку? Туман рассеется — начну. Никуда они от меня не убегут! Поспешишь — людей насмешишь!

ЕРЕМЕНКО. Поговорки! (Прислушивается, смотрит на часы.) Без пяти семь... Пятьдесят первая тоже молчит.

ТОЛБУХИН. Туман, туман...

ХОЛМ

КОМАНДАРМ 51 (смотрит на часы). Без трех семь. Машина большая, машина заведена, я из нее выпасть не могу. Начинаю артиллерийскую подготовку. Огонь!

Взвиваются ракеты. Начинается артиллерийская подготовка.

У ТОЛБУХИНА

Еременко и Толбухин прислушиваются к отдаленной канонаде.

ЕРЕМЕНКО. Николай Иванович начал.

ТОЛБУХИН. Не отстану от Николая Ивановича, товарищ генерал-полковник! Огонь!

Ракеты. Артиллерийский огонь.

Пехотные части подходят к исходным позициям. В балках и в долинах стоят танки и кавалерия.

ХОЛМ

КОМАНДАРМ 51 Через пять минут начинаем атаку, товарищ Хрущев!

ХРУЩЕВ. Правильно, Николай Иванович!

В густом тумане движется пехота. В этой белой, почти весомой массе идут бои, хотя противники и не видят друг друга.

Выстрелы слышны глухо; здесь все скрадывается туманом.

МОСКВА. СТАВКА

Сталин у карты трех фронтов. Звонок ВЧ.

СТАЛИН. Да, Сталин. Здравствуйте, товарищ Еременко. Начали? Успешно? Поздравляю. (Слушает. Кладет трубку. Делает отметки по карте.)

Кадры боя.

ШТАБ ПАУЛЮСА

Паулюс и Шмидт.

ШМИДТ. Сталинградский фронт также начал наступление.

ПАУЛЮС. Бросьте против наступающей пятьдесят первой армии русских триста семьдесят первую стрел-

ковую дивизию! Усильте ее семьюдесятью танками! Уничтожьте наступающую тридцать восьмую стрелковую дивизию русских. (Показывает по карте.) Против наступающей двадцать шестой дивизии двиньте третью мотодивизию! Где четырнадцатая и двадцать шестая танковые дивизии?

ШМИДТ. Они вышли на указанный им рубеж и вступили в бой с русскими.

Панорама:

Проход мехкорпуса.

СТАВКА ГИТЛЕРА В ВИННИЦЕ

Кейтель, Цейтлер над картой.

ЦЕЙТЛЕР. Прорыв расширяется и на юге и на севере!

Кейтель нервным движением руки делает стрелу отхода дивизий на участке пятьдесят первой армии и рвет карту.

КЕЙТЕЛЬ. Румыны подвели нас и здесь! Второй раз! Второй раз! О, канальи!

ВАСИЛЕВСКИЙ У ВЧ

ВАСИЛЕВСКИЙ. Товарищ, командарм! Прикажите командиру двадцать шестого танкового корпуса ускорить движение на Калач! На Сталинградском фронте обозначился успех, противник отходит и на юге и на северо-западе. (Кладет трубку. Опять снимает ее.) Москву! Товарища Сталина! Говорит Василевский. Товарищ Сталин, докладываю: к исходу дня двадцатого ноября Сталинградский фронт выполнил поставленную перед ним задачу! Шестой армейский румынский корпус фактически разгромлен...

МОСКВА. СТАВКА

Перед Сталиным лежит карта с нанесенной обстановкой на 20 ноября. Сталин отмечает по карте.

ВАСИЛЕВСКИЙ У ВЧ

ВАСИЛЕВСКИЙ. Во второй половине дня части пятьдесят первой армии и дивизия пятьдесят седьмой армии прорвали оборону противника. Успех операции был обеспечен внезапностью ударов пятьдесят первой армии, решительностью и настойчивыми действиями войск первого эшелона, смелым и своевременным выдвижением подвижных соединений в образовавшийся проход. В результате, фронт шестого армейского корпуса румын разорван на части. Двадцать первая армия кавалерийским корпусом достигла рубежа Осиповка — Сухановский; танковым корпусом — Майоровский — Майолин. Пятая танковая продолжает успешно наступление. Восьмой кавалерийский корпус вышел к реке Чир на участке Захарченский и продолжает движение на Обливскую...

МОСКВА. СТАВКА

Сталин делает отметки на своей карте.

СТАЛИН (в трубку). Хорошо. Поздравляю с успехом. Развивайте его!

На фоне боя — титр:

21 НОЯБРЯ.

...Наступающие танки.

...Кавалерия проходит населенные пункты. Пожары. Горят станицы.

...Танковая часть врывается на аэродром. Здесь не ожидали ее появления. Машины идут по хвостам неприятельских самолетов...

КОМАНДИР 26-го ТАНКОВОГО КОРПУСА У ТЕЛЕФОНА

КОМАНДИР. Товарищ командарм, докладывает командир двадцать шестого танкового корпуса. (По карте.) Выдвинулся на рубеж Перелазовский. В селении Перелазовка разгромили тылы и штаб пятого армейского корпуса противника. В Перелазовке задержался по вашему приказанию, чтобы установить связь с соседними частями. По вашему приказанию, сегодня, двадцать первого ноября, в тринадцать часов начал движение на Калач.

Панорама боев на Дону.

ШТАБ ПАУЛЮСА

Паулюс над картой. Вбегает Адам.

АДАМ. Господин генерал-полковник, танки противника в двух километрах от штаба армии!..

ПАУЛЮС. Как?!

АДАМ. Четырнадцатая и двадцать шестая танковые дивизии отступают под ударами русских. Спешите, господин командующий, нас могут настигнуть танки русских!..

ПАУЛЮС. Самолет! Бросайте все и немедленно летим в Нижне-Чирскую! Там подготовлен командный пункт?

АДАМ. Да...

НАШИ ТАНКИ

переправляются на левый берег Дона.

...Мчатся мотоциклисты мотополка. Они врываются на аэродром противника...

Стрельба... Смятение...

На аэродроме стоят готовые к вылету немецкие самолеты. Летчики поднимают руки.

ШТАБ ПАУЛЮСА В НИЖНЕ-ЧИРСКОЙ

Паулюс и Шмидт.

ПАУЛЮС. Приказываю одиннадцатому корпусу Штреккера отойти к Сталинграду!

ШМИДТ. Он уже отходит. На южном участке русские продолжают наступление, господин генерал-полковник. Генерал Готта со штабом четвертой танковой армии ушел в неизвестном направлении. Четвертый армейский корпус армии Готта под ударами русских откатывается к Сталинграду...

ПАУЛЮС. Соедините меня с фельдмаршалом!

Адъютант соединяет.

АДЪЮТАНТ. Господин генерал-фельдмаршал Вейхс!

ПАУЛЮС. Господин генерал-фельдмаршал, я нахожусь в Нижне-Чирской. Пока у меня еще есть возможность вывести армию узким коридором, не занятым русскими. Завтра этой возможности не будет! Готта отступает, и я не знаю, где четвертая танковая армия...

СТАВКА ГИТЛЕРА В ВИННИЦЕ

Кейтель, Цейтлер у карты. Вся линия фронта группы армий «Б» Вейхса сдвинута, разрезана. Там и здесь зияют прорывы.

КЕЙТЕЛЬ. Это катастрофа! Надо доложить фюреру!

ЦЕЙТЛЕР. Рано, рано... Еще есть возможность ликвидировать брешь...

КЕЙТЕЛЬ. Чем?

Все склоняются к карте.

Панорама боя.

ВАСИЛЕВСКИЙ У ВЧ

ВАСИЛЕВСКИЙ. Докладываю, товарищ Сталин: успех на всех направлениях! Двадцать первая армия танковым корпусом вышла на рубеж Рубежный — высота сто семьдесят восемь. Пятая танковая корпусом Родина вышла на рубеж Володинский—Плесистовский, танковым корпусом Бутова—на рубеж Погодинский—Лысов. Кавалерийский корпус Белова, громя штабы и тылы противника, на подходе к Обливская. Сталинградский фронт: четвертым корпусом, выполняя ваше приказание, продвинулся до Верхне - Царицынская. Пятьдесят седьмая армия мехкорпусом вышла в Поселок номер три — Нариман...

МОСКВА. СТАВКА

СТАЛИН (с трубкой ВЧ, делает отметки на карте, потом говорит). Что с Распопинской группировкой румын? Окружена? Отлично. Вынудите их к капитуляции...

На фоне боя — титр:

22 НОЯБРЯ

ВЕЧЕР. ШТАБ ПОЛКА

Блиндаж командира. В блиндаж вводят румын. Развязывают глаза.

ПЕРЕВОДЧИК. Парламентеры румынских генералов Ласкера и Мазарини. Спрашивают с кем они говорят.

КОМАНДИР ПОЛКА. С командиром полка из состава армии, которая окружила их. Чего они хотят?

Переводчик спрашивает по-румынски. Румыны отвечают.

ПЕРЕВОДЧИК. Они пришли для переговоров о сдаче всей группировки, окруженной в районе Распопинская.

КОМАНДИР ПОЛКА. Никаких переговоров! Никаких условий, кроме одного: сдать оружие, построиться колоннами и, согласно указанию советского командования, собраться к назначенным пунктам.

Переводчик переводит.

ПЕРЕВОДЧИК. Они уполномочены дать согласие на условия советского командования...

КОМАНДИР ПОЛКА. Кто у них там из генералов?

ПЕРЕВОДЧИК (после переговоров). Ласкер, Мазарини и Станеску.

КОМАНДИР ПОЛКА. Первые ласточки прилетели! Сколько у них примерно солдат и офицеров?

Переводчик спрашивает.

ПЕРЕВОДЧИК. Около тридцати тысяч...

КОМАНДИР ПОЛКА. Хороший кусочек! Сейчас свяжусь с высшим начальством. Ответ дадим через два часа... Пусть готовятся, чего там. (Берет трубку телефона.) «Орла»! Говорит «Голубь»... Докладываю...

Проходят сдавшиеся в плен румынские генералы, офицеры и солдаты.

ШТАБ ПАУЛЮСА
В НИЖНЕ-ЧИРСКОЙ. НОЧЬ

Паулюс, Готта и Шмидт.

ГОТТА. По приказу верховного командования, моя армия отошла на юго-запад. Четвертый корпус армии...

ПАУЛЮС. Отошел к Сталинграду, не оказав должного сопротивления, господин генерал?

ГОТТА. Румынские части...

ПАУЛЮС. Бежали, господин генерал?

Пауза.

ГОТТА. Что вы думаете предпринять?

ПАУЛЮС. Я бы хотел предпринять то же, что и вы...

ГОТТА. Что вам ответили?

ПАУЛЮС. Ответа пока нет. Это безумие!..

Молчание. Телефонный звонок.

АДЪЮТАНТ. Генерал-фельдмаршал фон-Вейхс!..

СТАВКА ВЕЙХСА

ВЕЙХС (у телефона). Ваше предложение отвести армию от Сталинграда фюрер отверг. Он приказал: ни в коем случае не оставлять Сталинграда! Мы сковываем несколько русских армий! Вы должны понять важность этого! От вашего поведения зависит судьба всего фронта...

ШТАБ ПАУЛЮСА

ПАУЛЮС. Вот ответ: если котел неминуем, превратить его в крепость и держаться. Обещают помочь. Адам, самолет! Штаб армии переносится в район Сталинграда, в Гумрак... До свидания, генерал!

ГОТТА. До свидания? Может быть!

ПАУЛЮС. Какие территории мы теряем!

САМОЛЕТ ПАУЛЮСА В ВОЗДУХЕ

В самолете — Паулюс, Шмидт, Адам, группа военных.

ПАУЛЮС (смотрит в окно). Под нами Калач!

ШМИДТ. Неизвестно, в чьих он руках.

ПАУЛЮС. Бои идут вокруг...

АДАМ. Если русские ворвутся в Калач — конец! Мы в котле! Нам предстоят черные дни...

На фоне боев у Калача — титр:
23 НОЯБРЯ.

ХУТОР СОВЕТСКИЙ

С самолета: две танковых колонны — одна с юго-востока, другая с северо-запада—направляются к этому пункту. Головные машины встречаются в разрушенном хуторе. Из них выходят командиры. Идут навстречу друг другу.

1-й КОМАНДИР. Из состава четвертого танкового корпуса двадцать первой армии!

2-й КОМАНДИР. Четвертый мехкорпус пятьдесят первой армии!

1-й КОМАНДИР. Поздравляю вас, товарищ полковник!

2-й КОМАНДИР. Поздравляю и вас. Соединились! Итак, кольцо замкнуто!

Из машин выходят бойцы и командиры. Объятия.

Голоса:

— Соединились! Соединились!

ШТАБ ВАТУТИНА

Перед Василевским карта — он соединяет стрелы у Калача.

ВАСИЛЕВСКИЙ (у ВЧ). Рад сообщить вам, товарищ Сталин: сегодня, двадцать третьего ноября, завершено окружение немецкой группировки под Сталинградом, а также группы немецких дивизий, действовавших на правом берегу Дона в его излучине. Части двадцать первой армии Юго-Западного фронта Ватутина и части пятьдесят первой армии Сталинградского фронта соединились сегодня в районе Советский...

МОСКВА. СТАВКА

Взволнованный Сталин подходит к карте, где нанесены стрелы наступления, соединяет их. Берет маленький красный флажок, втыкает в карту, крупно пишет дату: «Калач. 23 ноября. 1942 г.».

СТАЛИН. Теперь добить их!

КОНЕЦ ШЕСТОЙ ЧАСТИ

СЕДЬМАЯ ЧАСТЬ

Перелистывается страница летописи.

Надпись:

ДВАДЦАТЬ ДВЕ ДИВИЗИИ ПАУЛЮСА И ГОТТА БЫЛИ ОКРУЖЕНЫ... ОДНАКО ГИТЛЕРОВСКОЕ КОМАНДОВАНИЕ РЕШИЛО ОСВОБОДИТЬ ОКРУЖЕННУЮ ГРУППИРОВКУ.

Листается книга. На следующей странице карта.

Диктор:

— К началу декабря тысяча девятьсот сорок второго года внешний фронт, образованный войсками Юго-Западного и Сталинградского фронтов, проходил по линии (движение стрелки) **Рубежинский—течение рек Кривая и Чир, течение реки Дон до станицы Верхне-Курмоярская — Гремячая-Нурга** (движение стрелки). **От сорока до ста сорока километров отделяли группировку Паулюса от основного фронта немцев.**

МОСКВА. СТАВКА

СТАЛИН. Товарищ Василевский, вы сделали огромное дело.

ВАСИЛЕВСКИЙ. По мере своих сил, товарищ Сталин...

СТАЛИН (улыбаясь). Мера неплохая. (Пауза.) Итак, по поводу Кавказа. Контрнаступление на Кавказе начинаем второго января. Решено. Теперь сталинградские дела... Мне кажется, вам следует заняться дальнейшими делами Юго-Западного и Сталинградского фронтов. Что касается уничтожения группировки Паулюса, — руководство операцией возложим на другого товарища... Кого бы вы могли предложить?

ВАСИЛЕВСКИЙ. Тут не может быть двух мнений, товарищ Сталин... Николай Николаевич Воронов. Он побывал там за это время много раз, местность знает отлично, людей тоже...

СТАЛИН. Кроме того, и артиллерии в этой операции придется поработать много больше, чем девятнадцатого ноября. Хороший выбор! (Берет трубку.) Генерал-полковника артиллерии Воронова! Здравствуйте, товарищ Воронов! Прошу, если вы свободны, приехать ко мне сейчас же... (Кладет трубку.)

Входит Поскребышев.

ПОСКРЕБЫШЕВ. Генерал Ватутин прибыл, Иосиф Виссарионович.

СТАЛИН. Очень хорошо! Просите...

Входит Ватутин.

СТАЛИН (идет навстречу). Очень рад вас видеть, товарищ Ватутин! Рад поздравить с отличными успехами. Очень хорошо провели операцию.

ВАТУТИН. Делали согласно вашим указаниям, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Ну вот, — «указания, указания». Легче всего указывать. В пять дней проделать операцию таких размеров! Точно уложиться в план!

ВАТУТИН. Я горжусь вашей похвалой, товарищ Сталин.

Пауза.

СТАЛИН. Совершенно ясно—гитлеровское командование будет всячески стремиться восстановить положение и ликвидировать прорыв. Несомненно также, что немцы предпримут решительные меры, чтобы пробиться к окруженной группировке...

ВАСИЛЕВСКИЙ. На этих направлениях, товарищ Сталин, нами собраны необходимые резервы.

СТАЛИН. Да, но и германское командование сосредотачивает их. Недавно Гитлер обратился к окруженным войскам с приказом. Он требует при любых условиях не оставлять позиции под Сталинградом. И это естественно! Паулюс держит важнейший узел коммуникаций, он приковывает к себе шесть наших армий.

ВАТУТИН. Противник стягивает крупные силы в районе Тормосина... (Показывает по карте.) Здесь у них три авиационных полевых дивизии—прибыли из Германии, одиннадцатая танковая и триста шестая пехотная дивизии...

СТАЛИН. А в Котельниково?

ВАСИЛЕВСКИЙ. Группа фельдмаршала Манштейна. Шестая танковая дивизия переброшена из Африки, двадцать третья танковая дивизия—с Северного Кавказа...

СТАЛИН. Поспешили они брать с Кавказа.

ВАСИЛЕВСКИЙ. И семнадцатая танковая дивизия, переброшенная из-под Брянска...

СТАЛИН. Тоже не очень умно!

ВАСИЛЕВСКИЙ. Кроме того, в состав этой группировки вошли остатки шестой румынской дивизии, разгромленной южнее Сталинграда.

СТАЛИН. Очевидно, следует ожидать наступления как Тормосинской, так и Котельниковской группировок.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Так точно, товарищ Сталин.

СТАЛИН (после паузы). Мы предупредим их... Товарищ Ватутин, мы думали с товарищем Василевским о наших дальнейших операциях. Ваш фронт, во взаимодействии с Воронежским фронтом товарища Голикова, осуществит новую наступательную операцию. Товарищ Василевский, слово за вами!

ВАСИЛЕВСКИЙ. Цель этой операции, товарищ Ватутин, ликвидировать всякую возможность ударами извне освободить Паулюса и, в свою очередь, окружить вновь сосредотачиваемые неприятельские группировки и уничтожить все оперативные резервы противника, которые он мог бы использовать для действия против наших войск, держащих кольцо у Сталинграда.

ВАТУТИН. Мы с товарищем Василевским на ходу обменивались мнениями о предстоящих делах, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Товарищ Василевский познакомил меня с вашими планами. Вы предполагаете главный удар направить на юг... Мне кажется, необходимо направить на юго-восток (показывает по карте) в сторону Нижний Астахов с выходом на Морозовский с тем, чтобы Боковско-Морозовскую группу противника взять в клещи, пройтись по ее тылам и ликвидировать ее одновременным ударом с востока и с северо-запада. Этим вы сорвете попытки противника прорваться к окруженным армиям и наверняка исключите всякую возможность оказать помощь войскам Паулюса извне...

ВАТУТИН. Задачу понял, товарищ Сталин! Мы провели кое-какие подготовительные мероприятия для нового наступления. Я предлагаю наносить концентрический удар по войскам противника двумя группами с разных участков в сходящихся направлениях. (Вынимает карту, показывает.) Вот примерно мой план... Извините, он сделан в грубой схеме...

Сталин и Василевский рассматривают карту.

СТАЛИН. Интересный замысел...

ВАТУТИН. Сосредотачиваем две сильные ударные группировки: в районе Осетровского плацдарма (показывает по карте) и в районе Боковский. Прорыв осуществляет правофланговая ударная группировка с рубежа Дерезовка — Журавка. В нее входят основные силы стрелкового и подвижного соединений. Этой группировке поставлена задача—прорвать оборону итальянских войск и развивать наступление стрелкового соединения (показывает по карте)—сюда. Подвижным войскам—на Тацинская—Морозовский. Левофланговая ударная группировка должна наносить удар с рубежа Астахов — Краснокутская в направлении Боковская — Морозовский...

СТАЛИН. Очень смело!

ВАСИЛЕВСКИЙ. На левом фланге Воронежского фронта мы также создаем ударную группу войск. Ее задача—начать наступление одновременно с товарищем Ватутиным и обеспечить его действия от возможных контрударов с запада...

ВАТУТИН. Ведущая роль в выполнении этой задачи, товарищ Сталин, должна принадлежать танковым и механизированным соединениям.

СТАЛИН. Да, да. Действуйте стремительно.

ВАТУТИН. Слушаюсь, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Когда можете начать операцию?

ВАТУТИН. Пятнадцатого-шестнадцатого декабря, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Оперативную группу Ставки Верховного Главнокомандования будет возглавлять товарищ Василевский. Желаю успеха!

Прощается с Василевским и Ватутиным. Они уходят. Входит Поскребышев.

ПОСКРЕБЫШЕВ. Генерал-полковник Воронов, прибыл!

СТАЛИН. Прошу!

Входит Воронов.

СТАЛИН. Здравствуйте, товарищ Воронов! Мы хотим поручить вам разгром окруженной армии Паулюса. Наши наступающие части сильно переутомлены. Кроме того, значительная часть артиллерии отстала и принять участие в бою сейчас не может... Это по вашей части.

ВОРОНОВ. Да, понадобится время, чтобы ее подтянуть.

СТАЛИН. Очевидно, как бы нам ни хотелось скорее разделаться с Паулюсом,—раньше января мы не сможем приступить к этой операции. Придется воздержаться от поспешных действий. Кроме потерь, они ничего не принесут.

ВОРОНОВ. Я не уверен, товарищ Сталин, что наличными силами Донского и Сталинградского фронтов можно ликвидировать окруженную группировку... Мне кажется, разведка Донского фронта не совсем точно представляет количество окруженных сил.

СТАЛИН. По последним сведениям, которые дала разведка, там около двухсот пятидесяти тысяч. И большое количество артиллерии... Я думал об этом. Мы решили для усиления Донского фронта перебросить вторую гвардейскую армию Малиновского. Прошу вас с товарищем Рокоссовским приступить к разработке плана предстоящей операции. Когда бы вы могли его доложить?

ВОРОНОВ (соображая). Что-нибудь к концу декабря, товарищ Сталин! Чтобы успешнее и быстрее провести эту операцию, надо тщательно и всесторонне подготовиться.

СТАЛИН. Через двадцать дней? Согласен. Я полагаю, что активных действий против Паулюса вести пока не следует. Ограничимся лишь частными операциями, с целью или захвата тактически выгодных рубежей, или улучшения исходных.

ВОРОНОВ. Понимаю, товарищ Сталин!

СТАЛИН. До свидания. Желаю успеха!

Титр:

ОПЕРАЦИЯ ДВУХ ФРОНТОВ—ЮГО-ЗАПАДНОГО И ВОРОНЕЖСКОГО—ДОЛЖНА БЫЛА ЗАКОНЧИТЬСЯ РАЗГРОМОМ ВРАЖЕСКИХ АРМИЙ В БОЛЬШОЙ ИЗЛУЧИНЕ ДОНА.

На экране—карта.

Диктор:

— Из района Калитва—Монастырщина (стрелки показывают) **наносились удары** (стрелка показывает) **большой мощности. Целью была ликвидация возможности освободить окруженную группировку Паулюса и, в свою очередь, окружить вновь сосредотачиваемые немцами группировки в Котельникове и Тормосине.**

ШТАБ ВАТУТИНА. РАННЕЕ УТРО

Ватутин, Василевский, командармы, в том числе командующие 1-й и 3-й гвардейскими армиями, командарм 5-й танковой. На столе карта предстоящей операции.

КОМАНДАРМ 3-й ГВАРДЕЙСКОЙ. Вверенная мне левофланговая ударная группировка, товарищ командующий фронтом, должна наносить удар с рубежа Астахов—Краснокутская в направлении Боковская — Морозовский. Части готовы для выполнения поставленной вами задачи!

ВАСИЛЕВСКИЙ. Товарищ командарм первой гвардейской, как поняли задачу вы?

КОМАНДАРМ 1-й ГВАРДЕЙСКОЙ. Мне приказано нанести главный удар с рубежа Дерезовка—Журавка, прорвать оборону итальянских войск и развивать наступление в направлении Твердохлебов—Маньково—Калитвинская, а подвижной группой войск—Тацинская—Морозовский. Мы предусматриваем концентрический охват неприятеля, расположенного непосредственно перед моим фронтом. Это создает благоприятные условия для дробления противника на отдельные изолированные группы и для последующей ликвидации их по частям.

Звонок ВЧ.

СВЯЗИСТКА. Товарищ генерал-полковник, вас просит командарм пятьдесят первой.

ВАСИЛЕВСКИЙ (у телефона). Да, Василевский слушает. Здравствуйте, Николай Иванович! Как? Понимаю! Позвоню позже... (Кладет трубку.) Сегодня после сильной артиллерийской и минометной подготовки Манштейн перешел в атаку. Сосредоточив на узком фронте до ста танков, он вынудил к отходу части пятьдесят первой армии, оборонявшиеся севернее Котельниково.

Молчание.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Это не меняет наших планов. Я продолжаю. Итак, фланговый заслон будет осуществлять левый фланг Воронежского фронта. Я указываю на необходимость решительно развивать успех и стремительно преследовать врага. Особое внимание, товарищи командармы, обращаю на то, чтобы ваши боевые действия были непрерывными и не прекращались в ночное время. Сажайте бойцов на машины, пусть они прерывают пути отхода неприятельских войск! Через четыре дня—шестнадцатого декабря—мы наступаем...

Титр:

В НЕМЕЦКОМ ПЛАНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЗАПЕРТЫХ ЧАСТЕЙ ПАУЛЮСА ГРУППЕ ФЕЛЬДМАРШАЛА МАНШТЕЙНА ОТВОДИЛАСЬ ГЛАВНАЯ РОЛЬ. В РАЙОНЕ КОТЕЛЬНИКОВО БЫЛ СОЗДАН ТАНКОВЫЙ КУЛАК. ИМ МАНШТЕЙН И НАНЕС УДАР НА УЗКОМ ФРОНТЕ С ЦЕЛЬЮ ПРОРВАТЬСЯ К ПАУЛЮСУ.

ШТАБ МАНШТЕЙНА

Манштейн, его начальник штаба.

НАЧ. ШТАБА (по карте.) Дивизии русских отступают, господин генерал-фельдмаршал!

МАНШТЕЙН. Продолжайте наступление (по карте) в полосе железной дороги Тихорецкая—Сталинград, в общем направлении на Чилеково—Мариновка. В дальнейшем мы установим связь с Тормосинской группировкой и будем действовать вместе с ней. Какие у нас силы?

НАЧ. ШТАБА. К сегодняшнему дню — четыреста танков.

МАНШТЕЙН. Мы должны спешить! Несомненно одно: русские готовят новое наступление. Мы должны пробиться к Паулюсу прежде, чем они смогут начать операцию. Бросьте в прорыв двести танков и механизированную пехоту.

НАЧ. ШТАБА. Слушаюсь, господин генерал-фельдмаршал!

МАНШТЕЙН. Фюрер приказал шестнадцатого декабря прорвать фронт русских и проложить коридор к нашей окруженной группе! Можете итти.

Нач. штаба уходит.

МАНШТЕЙН (остается один. Пишет, запечатывает в пакет. Адъютанту). Отправить самолетом господину генерал-полковнику фон-Паулюсу!

АДЪЮТАНТ. Слушаюсь, господин генерал-фельдмаршал!

На фоне танковых боев — титр:

ПОД НАЖИМОМ ТАНКОВЫХ ДИВИЗИЙ МАНШТЕЙНА НАШИ ЧАСТИ ОТОШЛИ НА СЕВЕРНЫЙ БЕРЕГ РЕКИ АКСАЙ. ЗДЕСЬ ЧЕТЫРЕ ДНЯ ШЛИ ОЖЕСТОЧЕННЫЕ БОИ.

ШТАБ 126-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Командир дивизии и майор.

КОМДИВ. Товарищ командир, вы будете командовать передовым отрядом — силами сорока пяти автоматчиков с двумя танками и одним орудием. Вы выйдете (показывает по карте) в район Жутов-Второй и будете драться до тех пор, пока не получите от меня приказа отойти. Вы должны задержать танки Манштейна!

МАЙОР. Задачу понял.

На фоне боев — титр:

ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД 126-й ДИВИЗИИ 51-й АРМИИ, ВЫПОЛНЯЯ ПРИКАЗ КОМАНДОВАНИЯ, 4 ДНЯ ДРАЛСЯ С ПРЕВОСХОДЯЩИМИ СИЛАМИ МАНШТЕЙНА. ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯД ПОГИБ ПОЧТИ ВЕСЬ, НО НЕ ПРОПУСТИЛ НЕМЕЦКИЕ ТАНКИ.

ШТАБ МАНШТЕЙНА

МАНШТЕЙН (у телефона). Вы не можете выбить из Жутова ничтожный отряд советских солдат! Сегодня же в ночь бросить на них пятнадцать танков и два батальона мотопехоты!

На фоне боя — титр:

В ЭТИ ЖЕ ДНИ НА ДРУГОМ УЧАСТКЕ ФРОНТА ГЕРОИЧЕСКАЯ 20-я МОТОБРИГАДА, УКРЕПИВШИСЬ МЕЖДУ ДВУМЯ ВЫСОТАМИ НА НАПРАВЛЕНИИ УДАРА ВРАГА, ОСТАНОВИЛА ЧАСТИ ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ СС.

ШТАБ МАНШТЕЙНА

НАЧ. ШТАБА. Господин генерал-фельдмаршал, наступление танковых дивизий выдыхается.

МАНШТЕЙН. Я ничего не желаю знать. Бросьте еще дивизию. Я должен соединиться с Паулюсом!

ШТАБ ПАУЛЮСА В ГУМРАКЕ

ШМИДТ. Нас выручит фюрер. Мы должны ему верить. Манштейн наступает. Он придет к нам.

Входит Адам.

АДАМ. Господин генерал-полковник, разведка доносит: большевики концентрируют в районе Вертячий свежую армию.

ПАУЛЮС. Чтобы разделаться с нами — ясно! Шмидт, приказываю: собирайте в юго-западной части котла танковые части. Я решил пробивать кольцо и уходить на запад.

ШМИДТ. Господин командующий, воля фюрера для меня священна.

ПАУЛЮС (выходя из себя, почти истерически). Я не политик, я солдат. Я приказал!

Входит офицер.

ОФИЦЕР. Господин генерал-полковник, из штаба генерал-фельдмаршала Манштейна прибыл офицер с письмом вам.

ПАУЛЮС. Просите!

Входит офицер.

ОФИЦЕР. Господин генерал-полковник, я прислан генерал-фельдмаршалом Манштейном. Вот его письмо (передает).

ШМИДТ (офицеру). Можете итти!

Офицер уходит.

Паулюс нервными движениями пальцев рвет конверт, пробегает письмо.

ШМИДТ. Читайте же!

Паулюс читает про себя, потом отдает письмо Шмидту.

ШМИДТ (читает вслух). «...Но вы не в состоянии видеть обстановки в целом... Ваша задача — оставаться на месте... Судьба всего восточного фронта... Я иду к вам на помощь. Крепитесь. Генерал-фельдмаршал фон-Манштейн» (Паулюсу). А вы не верили! Я оповещу войска — Манштейн идет на выручку.

На фоне боевых кадров — титр:

16 ДЕКАБРЯ ФРОНТ ВАТУТИНА НАЧАЛ НАСТУПЛЕНИЕ. ЗА

2 ДНЯ, ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТА, ЧАСТИ ВАТУТИНА СЛОМИЛИ СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОТИВНИКА, ПРОРВАЛИ В НЕСКОЛЬКИХ НАПРАВЛЕНИЯХ ЕГО ОБОРОНУ И ВЫШЛИ НА ОПЕРАТИВНЫЙ ПРОСТОР...

ШТАБ ПАУЛЮСА

Паулюс, Адам.

ПАУЛЮС. Они снова наступают. Спасение отодвигается от нас с каждым часом все дальше...

АДАМ. Но господин генерал-фельдмаршал Манштейн идет к нам!

ПАУЛЮС. Ничего неизвестно, Адам. Фельдмаршал остановлен русскими на северном берегу Аксая. Части фельдмаршала не развили успеха на широком фронте и не могут продвинуться... Русские умеют воевать!

СТАВКА ГИТЛЕРА

Гитлер, Кейтель, Геринг, Йодль.

ГИТЛЕР. Что бы мне ни говорили, шестая армия должна стоять там, где она стоит!

КЕЙТЕЛЬ. Генерал Паулюс радирует о недостатке боевых средств и продовольствия.

ГЕРИНГ. У него есть отличный аэродром для связи с тылом.

КЕЙТЕЛЬ. В районе Сталинграда, господин рейхсмаршал, чрезвычайно изменчивая погода. Самолетам будет трудно совершать рейсы в окруженную группировку.

ГИТЛЕР. История уже знает, когда я вырвал шестнадцатую армию из тисков большевистских армий. Провидение внушило мне тогда воспротивиться всем советам — и я вывел окруженные дивизии! Это было в районе Валдая. Я сделаю это и теперь в районе Сталинграда.

ЙОДЛЬ. Мой фюрер, я понимаю вас и разделяю вашу точку зрения. Однако, фельдмаршал Манштейн еще в пятидесяти километрах от фронта Паулюса. Между тем, русские производят перегруппировку сил на Кавказском фронте. Не было ли бы более целесообразным подождать с операцией фельдмаршала Манштейна и его силами сорвать наступление русских на юге?

ГИТЛЕР. Манштейн должен пробиться к генералу Паулюсу!

КЕЙТЕЛЬ. Русские наступают в районе Ржева и на Волховском фронте. Очевидно, у них созрел новый замысел громадного размаха. Быть может, генерал Йодль прав, предлагая осторожнее обращаться с имеющимися у нас резервами...

ЙОДЛЬ. Тем более, что в настоящее время генерал-полковник фон-Паулюс еще может пробиваться из котла своими силами.

ГИТЛЕР. Короче—вы предлагаете мне оставить Сталинград? Этого не будет!

ГЕРИНГ. Мой фюрер, вы совершенно правы! Я верю—вы спасете двадцать две дивизии фон-Паулюса. Я верю в ваш гений! Я беру на себя снабжение шестой армии!

ГИТЛЕР. Мой преданный Герман!

ГЕРИНГ. Я сам буду управлять первым самолетом, который повезет продовольствие и боеприпасы фон-Паулюсу.

ГИТЛЕР. Я знал, Герман, — ты всегда со мной!

КЕЙТЕЛЬ. Я не уверен, господин рейхсмаршал, что мы сможем воздушным путем доставлять продовольствие и боеприпасы для трехсот тысяч человек...

ГЕРИНГ. Я сказал и я сделаю.

АДЪЮТАНТ (приносит радиограмму). Мой фюрер, радиограмма от командующего группой армии «Б» фон-Вейхса.

ГИТЛЕР (читает). «Силами Юго-Западного фронта Советы нанесли новый удар... Разгром частей восьмой итальянской, остатков третьей румынской армии... Советы продолжают наступление...».

Пауза.

ГИТЛЕР. Итальянцы и румыны! Сброд, подонки человечества, мерзкие расы! Пусть о них плачут в Италии и Румынии! У нас еще есть резервы внутри страны. Я объявлю тотальную мобилизацию для ведения тотальной войны с целью тотальной победы. Час пробил! (Хочет уйти.)

КЕЙТЕЛЬ (осторожно). Но как быть с Манштейном, мой фюрер?

ГИТЛЕР. Мой приказ остается в силе. Он должен пробиться к генералу Паулюсу.

На фоне боевых эпизодов — т и т р:

ЗА 10 ДНЕЙ НАСТУПЛЕНИЯ ВОЙСК ЮГО-ЗАПАДНОГО И ВОРОНЕЖСКОГО ФРОНТОВ ТАНКОВЫЕ ЧАСТИ С БОЯМИ ПРОШЛИ ПО ГЛУБОКИМ ВРАЖЕСКИМ ТЫЛАМ ДО 220 КИЛОМЕТРОВ. ИНИЦИАТИВА ПРОДОЛЖАЛА ОСТАВАТЬСЯ В НАШИХ РУКАХ...

ШТАБ ВАТУТИНА

ВАСИЛЕВСКИЙ (у телефона). Докладывает Василевский, товарищ Сталин: с захватом нами станции Тацинская перерезана единственная железная дорога, на которой базировались немецкие войска, сосредоточенные в районе Тормосин. Количество пленных исчисляется десятками тысяч. Немцы потеряли огромнейшее количество артиллерии, боеприпасов, самолетов и склады... Мы продолжаем преследовать противника...

МОСКВА. СТАВКА

Сталин отмечает по карте положение войск Юго-Западного фронта на 23 декабря. Трубка ВЧ в его левой руке. Отметив, он продолжает разговор.

СТАЛИН. Хорошо, товарищ Василевский. Что надо предпринять еще для более прочного блокирования окруженной группы? (Слушает.) Так... Хорошо, я распоряжусь (Кладет трубку, набирает номер.) Кто у телефона? Командующего ВВС. Здравствуйте. Сталин. Прошу вас дать указание шестнадцатой воздушной армии генерала Руденко более энергично противодействовать стремлению противника доставлять в окруженную группировку Паулюса продовольствие и боеприпасы воздушным путем. Доложите о принятых мерах. (Кладет трубку, просматривает сводки, читает.) «...К исходу двадцать третьего наши части продолжали сдерживать Котельниковскую группировку фельдмаршала Манштейна на берегу реки Мышковская...» (Откладывает телеграмму.) Теперь можно приняться за Манштейна...

Большая карта фронта.

Диктор:

— Дивизии Тормосинской группировки, предназначенные для помощи Паулюсу, в спешном порядке перебрасывались немецким командованием в угрожаемые районы. Там их постигла общая участь. Манштейн уже не мог рассчитывать на резервы. Тем не менее, он лихорадочно готовился к удару. Цель оставалась прежняя — деблокировать окруженную группировку Паулюса.

КОМАНДНЫЙ ПУНКТ 57-й АРМИИ В СЕЛЕ НИЖНЕ-ЦАРИЦЫНСКОМ

Василевский, Рокоссовский, Толбухин, Еременко.

ТОЛБУХИН. Вообще говоря, есть сторонники такой идеи, чтобы пропустить Манштейна в котел и запереть его вместе с Паулюсом...

ВАСИЛЕВСКИЙ. Оригинальная идея! Добавить к двадцати двум дивизиям Паулюса восемь свежих дивизий Манштейна... Очень оригинальная идея!

ЕРЕМЕНКО. Зато в котле будет фельдмаршал. Фельдмаршалы нам еще не попадались! (Смех.)

ТОЛБУХИН. Кстати, о фельдмаршалах... Рассказывают: допрашивали румынских генералов, взятых в Распопинской группировке. Они были большими начальниками в румынском генштабе. Спрашивают: почему же вы теперь командуете дивизиями? Отвечают: немцы сказали — нужен нам ваш генштаб, как петуху варежка! (Смех.)

ЕРЕМЕНКО. Союзнички, что и говорить!

ВАСИЛЕВСКИЙ. Есть данные разведки — Манштейн собирает силы для нового наступления. Правильно ли это, товарищ Еременко?

ЕРЕМЕНКО. Точно, товарищ Василевский. Ликвидация Манштейна возложена на мой фронт и я слежу за ним в оба. Я попрежнему настаиваю на глубоком захлестывающем и охватывающем ударе по основанию группировки Манштейна. И петля ему!

ВАСИЛЕВСКИЙ. Товарищ Еременко, вы бросили на Манштейна четвертый механизированный корпус — и что получилось? Машины стоят. Машины не дошли до основания клина Манштейна — не хватило горючего... (Пауза.) Нет, не всегда охватывающий удар приносит ожидаемые результаты. Нельзя выигрывать сражение шаблонными приемами! Иногда полезно и необходимо бить прямо в голову. Большевистская стратегия в данном случае заключается в активной изоляции окруженной группировки. Не в полумерах, а в решительных мерах...

ЕРЕМЕНКО. Простите, Александр Михайлович, но у меня нет достаточных сил, чтобы нанести удар в лоб Манштейну.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Есть такая сила!

ЕРЕМЕНКО. Например?

ВАСИЛЕВСКИЙ. Вторая гвардейская армия Малиновского...

РОКОССОВСКИЙ. Вторая гвардейская предназначена для нанесения удара по Паулюсу. Есть приказ быстрее разделаться с ним. Армия Малиновского переходит в мое подчинение и она будет бить Паулюса, а не Манштейна!

ВАСИЛЕВСКИЙ. Паулюс никуда от вас не уйдет, товарищ Рокоссовский!

РОКОССОВСКИЙ. Вот именно он и собирается уходить! В районе Мариновка он концентрирует две танковых дивизии.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Именно поэтому удар должен быть направлен на Манштейна, навстречу которому и хочет пробиться Паулюс, собирая дивизии.

ЕРЕМЕНКО. Точно! Установлено: как только Манштейн подойдет к окруженной группировке на пятнадцать километров, Паулюс ударит навстречу.

Молчание.

ТОЛБУХИН. Да, пожалуй, лучше немного оттянуть с Паулюсом. Поспешишь — людей насмешишь.

Входит Малиновский.

РОКОССОВСКИЙ. А-а! Здравствуйте, товарищ Малиновский!

МАЛИНОВСКИЙ. Здравия желаю, товарищ генерал-полковник. Здравствуйте, товарищи!

РОКОССОВСКИЙ. Давно вас жду... С чем прибыли?

МАЛИНОВСКИЙ. Два стрелковых и механизированный корпус.

РОКОССОВСКИЙ. Ну, что ж, товарищ Малиновский, едемте ко мне! (К Толбухину.) Спасибо, Федор Иванович, этому дому, поедем к другому!

Василевский молчит.

МАЛИНОВСКИЙ. Да, времени терять нечего.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Товарищ Рокоссовский может ехать. Товарищ Малиновский останется здесь.

РОКОССОВСКИЙ. Но есть приказ...

ВАСИЛЕВСКИЙ. Я считаю, армия Малиновского должна быть передана товарищу Еременко и повернута против Манштейна!

Общее движение.

РОКОССОВСКИЙ. Я категорически возражаю против этого!

ВАСИЛЕВСКИЙ. Товарищ Рокоссовский, я отвечаю за исход всей операции. Вы отвечаете только за часть ее. (Молчание.) Сейчас самое выгодное время ударить по Манштейну. Поймите, прежде чем форсировать Мышковскую, он должен перегруппироваться. Между тем Ватутин выходит в тыл Манштейну... (Показывает по карте.)

Молчание.

ТОЛБУХИН (тихо Малиновскому). Хотел бы я знать, кто из них доложит товарищу Сталину...

РОКОССОВСКИЙ. Ну, что ж, Александр Михайлович. Докладывайте товарищу Сталину, — посмотрим, что он скажет...

Пауза. Василевский решительно подходит к телефону.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Ставку. Товарища Сталина.

Напряженное внимание, абсолютная тишина.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Докладывает Василевский, товарищ Сталин. По поводу группировки Манштейна. Он готовит новый удар. Я считаю необходимым сорвать этот удар и заставить Манштейна отойти. Между тем у товарища Еременко нет достаточных сил для удара в лоб. А сейчас нужен именно удар в лоб. Надо раз и навсегда покончить с Манштейном. Я пришел к выводу: армию Малиновского необходимо повернуть на Манштейна. Этим мы устраним всякую дальнейшую попытку деблокировать котел.

Пауза. Василевский кладет трубку.

РОКОССОВСКИЙ. Ну?

ВАСИЛЕВСКИЙ (глухо). Товарищ Сталин положил трубку, не сказав ни слова.

РОКОССОВСКИЙ. Я знал, что товарищ Сталин не пойдет на это.

ТОЛБУХИН. Не спешите, товарищ командующий. Товарищ Сталин любит подумать.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Будем ждать.

РОКОССОВСКИЙ (садится). Будем ждать.

ЕРЕМЕНКО (смотрит в окно). А туман все гуще и гуще.

ШТАБ МАНШТЕЙНА

Манштейн, начальник штаба.

МАНШТЕЙН. Все еще туман?

НАЧ. ШТАБА. Да, господин генерал-фельдмаршал.

МАНШТЕЙН. Но я назначил на утро атаку.

Нач. штаба пожимает плечами.

МАНШТЕЙН. Проклятье! Остановиться в пятидесяти километрах от цели! Паулюс ждет! Еще один удар, и угроза катастрофы ликвидирована! Русские могут предупредить мой удар, и тогда наш фронт затрещит по всем швам!

НАЧ. ШТАБА. Разве он уже не трещит, господин генерал-фельдмаршал?

МАНШТЕЙН (смотрит в окно). Туман, туман...

У ТОЛБУХИНА

Василевский ходит из угла в угол. Рокоссовский совещается с Малиновским. Входит Толбухин, бросает вопросительный взгляд на Василевского. Тот качает головой. Толбухин садится.

ТОЛБУХИН. Туман — хоть ножом его режь! Хорошенькая погодка для удара.

МОСКВА. СТАВКА

СТАЛИН (по телефону). Ваше мнение? Повернуть на Манштейна? Спасибо! (Кладет трубку. Снова звонит.) Здравствуйте. Есть предложение Василевского — окончательно разделаться с Манштейном. Предлагает использовать для этого армию Малиновского. Что вы думаете? Оставить у Рокоссовского? Спасибо. (Кладет трубку. Звонит опять.) Василевский предлагает для разгрома Манштейна двинуть армию Малиновского, передав ее Еременко. Ваше мнение? (Слушает.) Нет, это не ответ. Нет или да? Хотите подумать? Хорошо!

Кладет трубку, ходит по кабинету, потом берет трубку ВЧ.

ШТАБ ТОЛБУХИНА

Звонок ВЧ. Василевский берет трубку.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Да, Василевский. Слушаю, товарищ Сталин. Да, да, тогда могу сегодня же... Слушаюсь... (Опускает трубку.)

РОКОССОВСКИЙ. Что?

ВАСИЛЕВСКИЙ. Приказ товарища Сталина: товарищу Еременко разгромить группировку Манштейна, отбросить ее на юг и преследовать. Армию Малиновского повернуть на Манштейна. Ну, товарищ Еременко, начинаем... (Развертывает карту.)

На фоне боев — титр:

24 ДЕКАБРЯ ЧАСТИ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА, В ТОМ ЧИСЛЕ АРМИЯ МАЛИНОВСКОГО, НАЧАЛИ НАСТУПЛЕНИЕ НА ГРУППУ МАНШТЕЙНА. МАНШТЕЙН ОТХОДИЛ С БОЛЬШИМИ ПОТЕРЯМИ НА ЮГ... ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕГО ВЫЛИЛОСЬ В НОВУЮ ОПЕРАЦИЮ — ОСВОБОЖДЕНИЕ РОСТОВА.

На экране карта.

Диктор:

— Тем временем и части Юго-Западного и Воронежского фронтов выполнили задачу, поставленную ставкой. Расстояние, отделяющее окруженную группировку немцев от немецкого фронта, в конце декабря равнялось двумстам километрам.

МОСКВА. СТАВКА

Сталин и Василевский.

СТАЛИН. Итак, можно считать, что со сталинградским направлением в основном скоро будет покончено. Ликвидация Паулюса предопределена. Она не может изменить ход событий на других фронтах. Будем думать, товарищ Василевский, о дальнейшем...

ВАСИЛЕВСКИЙ. Есть все предпосылки к тому, чтобы продолжать наступление, товарищ Сталин!

СТАЛИН. Да, дальше и стремительно. И уже не останавливаться — до конца... Впереди — освобождение Донбасса, Харькова, Курска, освобождение всей территории, захваченной немцами... Победа! (Пауза.) Товарищ Василевский, садитесь за новую работу. Изгнание неприятеля с нашей земли началось. Будем продолжать осуществление этой задачи!

КОНЕЦ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

ВОСЬМАЯ ЧАСТЬ

ЛЕТОПИСЬ.

Надпись:

КОНЕЦ ДЕКАБРЯ 1942 ГОДА. СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА НАСТУПАЛИ НА ОГРОМНОМ ФРОНТЕ.

Листается страница. Карта окруженной немецкой группировки.

Диктор:

— Под Сталинградом в железном кольце были прочно заперты двадцать две немецких дивизии. Командование окруженной группировки располагало единственным оборудованным аэродромом в питомнике (стрелка), **но и этот аэродром был блокирован военно-воздушными силами Советской Армии.**

На фоне боев с транспортной авиацией врага — титр:

В ДЕКАБРЕ НАШИ 16-я и 18-я ВОЗДУШНЫЕ АРМИИ СБИЛИ 290 ТРАНСПОРТНЫХ МАШИН ВРАГА, СТРЕМИВШЕГОСЯ ПРОРВАТЬСЯ К ОКРУЖЕННЫМ.

Кадры боя штурмовиков над аэродромами.

Титр:

ШТУРМОВЫМИ УДАРАМИ ЭТИХ ЖЕ ВОЗДУШНЫХ АРМИЙ НА ВРАЖЕСКИХ АЭРОДРОМАХ БЫЛО УНИЧТОЖЕНО 450 САМОЛЕТОВ.

Кадры боев зенитчиков с самолетами немцев.

Титр:

СОТНИ ТРАНСПОРТНЫХ САМОЛЕТОВ ПОДБИЛИ СОВЕТСКИЕ ЗЕНИТЧИКИ... ГРУППИРОВКА ПАУЛЮСА ДОЖИВАЛА СВОИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ.

ШТАБ ПАУЛЮСА В ГУМРАКЕ.

ШМИДТ. Господин генерал-полковник, вы приказали составить доклад фюреру. К сегодняшнему дню наши дивизии сжаты на территории, не превышающей полторы тысячи квадратных километров. Эта территория насквозь простреливается огнем дальнобойной артиллерии.

Паулюс молчит.

ШМИДТ. С момента окружения прошло больше месяца. Все попытки установить связь с нами не имели успеха. Связь по воздуху также не удалась. Только одиночные самолеты прорываются в расположение наших войск.

ПАУЛЮС. А господин рейхсмаршал Геринг так и не удосужился побывать на нашем аэродроме...

ШМИДТ. В результате боев, голода и холода погибло около восьмидесяти тысяч человек... В настоящее время численность наших войск достигает двухсот пятидесяти тысяч. Из них, по крайней мере, сорок тысяч больных и раненых...

Паулюс молчит.

ШМИДТ. Солдатский рацион сократился до ста граммов хлеба в день.

Паулюс молчит.

ШМИДТ. К сегодняшнему дню съеден весь конский состав румынской кавалерии. Я распорядился снять с продовольственного снабжения румын.

Молчание.

ШМИДТ. Я должен добавить — генерал Зейдлитц снова предлагает немедленно и, вопреки приказу фюрера, попытаться прорваться, собрав все боеспособные части.

ПАУЛЮС. Ответственность возложена на меня. Я буду до конца выполнять приказ фюрера. Передайте Зейдлитцу — он должен прекратить эти преступные разговоры, иначе я отдам его под суд.

ШМИДТ. Слушаюсь.

ПАУЛЮС. У нас не менее двухсот тысяч штыков, у нас огромное количество орудий и минометов. Мы еще можем держаться...

ШМИДТ. И надеяться на помощь, обещанную нам фюрером.

МОСКВА. СТАВКА

Сталин, Воронов, Рокоссовский, Василевский.

СТАЛИН. Ликвидация группировки Паулюса должна быть проведена в кратчайший срок. Мы должны освободить наши войска для действия на других направлениях... Кроме того, восстановление сталинградского железнодорожного узла и железнодорожной связи с нами, войсками, наступающими на Северном Кавказе и в районе излучины Большого Дона, является самой насущной необходимостью.

ВОРОНОВ. Я предлагаю, товарищ Сталин, силы обоих фронтов — Донского и Сталинградского — сосредоточить под единым командованием товарища Рокоссовского. Единое командование в данном случае чрезвычайно важно.

СТАЛИН. Согласен. Товарищ Василевский, прикажите передать в подчинение товарища Рокоссовского шестьдесят вторую, шестьдесят четвертую и пятьдесят седьмую армии.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Слушаюсь, товарищ Сталин.

СТАЛИН (подходит к столу, где лежат карты). Итак, наш план?

ВОРОНОВ. Операция спланирована, товарищ Сталин, исходя из вашей идеи — расчленение окруженной группировки противника на несколько частей с последующим уничтожением каждой в отдельности... (Показывает по карте.) Удары по скрещивающимся направлениям и сужение плацдарма окруженных войск противника.

РОКОССОВСКИЙ. Совершенно новая форма оперативного маневра!

СТАЛИН (после размышления над картой.) Имеется в виду, что противник располагает двумя стами тысяч активных штыков и превосходит нас как в танках, так и в самолетах.

ВОРОНОВ. Но зато, товарищ Сталин, мы во много раз сильнее его по части артиллерии (вынимает записную книжку).

СТАЛИН (с улыбкой). А-а, знаменитая книжка! Верю, верю, товарищ Воронов. Артиллерия — бог войны, вам ли не знать!

ВОРОНОВ. Мы тщательно учли, товарищ Сталин, все плюсы и минусы в силах и в позициях противника.

СТАЛИН. Бить нужно только наверняка.

ВОРОНОВ. Исходя из данных разведки, при выборе направления главного удара, мы с командованием Донским фронтом учитывали сравнительную слабость позиций Паулюса

на северо-западе кольца (показывает по карте).

РОКОССОВСКИЙ. Район Мариновка—Карповка — слабо обеспеченный выступ, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Его и надо срезать в первую очередь.

ВОРОНОВ. Важнейшая роль в операции предназначена авиации и артиллерии (снова вынимает книжку). Буду называть круглые цифры. В артиллерийской подготовке участвуют две тысячи орудий и три тысячи минометов, не считая гвардейских.

ВАСИЛЕВСКИЙ. Тут уж Николай Николаевич развернется!

ВОРОНОВ. На отдельных участках плотность артиллерийского огня будет доходить до трехсот орудий на один километр фронта, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Да, тыл поработал на вас отлично, товарищ Воронов.

ВОРОНОВ. Таков общий замысел операции. Детали, товарищ Сталин, доложит товарищ Рокоссовский.

РОКОССОВСКИЙ. Разрешите? Главный удар я наношу с запада на восток (показывает по карте), в общем направлении на Гончара—завод «Красный Октябрь», силами трех армий.

СТАЛИН (следит по карте). Так, так...

РОКОССОВСКИЙ. Армии бывшего Сталинградского фронта нанесут вспомогательный удар. Операция распадается на три последовательных этапа. Первый—уничтожение западной и северо-восточной частей группировки противника (показывает по карте). Второй—уничтожение неприятельских войск в районе Песчанка—Сталинград—Гумрак. Третий—окончательная очистка всего района от отдельных групп противника. Вот все, товарищ Сталин, в общих чертах...

СТАЛИН. Замысел превосходный. Когда намечаете наступление?

ВОРОНОВ. Примерно будем готовы в начале января, товарищ Сталин.

СТАЛИН. План одобрим. Нет возражений, товарищ Василевский?

ВАСИЛЕВСКИЙ. Никаких, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Хорошо. Условное название операции... ну, скажем, «Кольцо».

ВОРОНОВ. Слушаюсь, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Желаю вам успеха.

На фоне зимних кадров Сталинграда, траншей, занесенных снегом, трупов, валяющихся на дорогах, разбитой техники —

титр:

В ТО ВРЕМЯ, КОГДА ОКРУЖЕННАЯ ГРУППИРОВКА ДОЖИВАЛА СВОИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ, ГЕББЕЛЬС И ЕГО ПОДРУЧНЫЕ ИСТОШНО ВОПИЛИ О НОВЫХ ЗАМЫСЛАХ ГИТЛЕРОВСКОГО КОМАНДОВАНИЯ, О БЛИЗОСТИ ПОБЕДЫ НАД БОЛЬШЕВИЗМОМ. ОБМАНОМ И ЗАСТРАЩИВАНИЕМ ФАШИСТСКИЕ ГЛАВАРИ ЗАСТАВЛЯЛИ СОЛДАТ ПАУЛЮСА СРАЖАТЬСЯ ДО КОНЦА, ОБЕЩАЯ ВЫРУЧКУ В САМЫЙ КРАТЧАЙШИЙ СРОК...

В НЕМЕЦКОМ БЛИНДАЖЕ

Горит жалкий костер... Солдаты согревают руки.

1-й СОЛДАТ. Говорят, Китай объявил войну Америке и Англии. Турция и Испания объявили войну Советам... Может быть, нас вырвут из котла!

2-й СОЛДАТ. Испания далеко, Ганс!

3-й СОЛДАТ. Я бы теперь съел три килограмма хлеба... Я бы ел, ел и ел.

Титр:

«ГЕРМАНСКАЯ АРМИЯ В СОСТОЯНИИ СПРАВИТЬСЯ С ЛЮБЫМИ ТРУДНОСТЯМИ И НЕ ОСТАНОВИТСЯ НИ ПЕРЕД ЧЕМ В ДОСТИЖЕНИИ ПОСТАВЛЕННЫХ ПЕРЕД НЕЙ ЗАДАЧ».

«Фелькише Беобахтер».

ФРОНТ КОТЛА

Германский солдат с автоматом — он долго и внимательно целится во что-то невидимое. Глаза его блуждают, руки дрожат... Наконец, он стреляет... Мы видим убитую кошку.

Титр:

«ГЕРМАНСКИЕ СОЛДАТЫ ВЕДУТ ОГОНЬ ПО ПРОТИВНИКУ ДО ПОСЛЕДНЕГО ЧЕЛОВЕКА И НЕ ПРЕКРАЩАЮТ ОГОНЬ, ПОКА В НИХ ТЕПЛИТСЯ ЖИЗНЬ».

«Локаль Цейтунг»

ОФИЦЕРСКАЯ ЗЕМЛЯНКА

ОФИЦЕР (он лежит на нарах, рядом револьвер на ящике). Быть может, еще придут самолеты и нас заберут... У меня была жена и дочь... Я почти забыл, что они живы... Мы — миф!.. Мифический город..: Мифическая река... Я сам — мифическая капля, след которой должен здесь затеряться в этих степях.., Зачем? (Берет револьвер, выстрел в висок.)

Титр:

ВЫПОЛНЯЯ ИСТОРИЧЕСКУЮ МИССИЮ ЕВРОПЕЙСКОГО ЗНАЧЕНИЯ, ОНИ БЫЛИ ПОЛНЫ РЕШИМОСТИ УМЕРЕТЬ С ВОЗГЛАСОМ «ХАЙЛЬ ГИТЛЕР!»

«Германское Информбюро», 8 января.

ШТАБ ПАУЛЮСА В ГУМРАКЕ

Паулюс, Шмидт.

ШМИДТ. Генерал-квартирмейстер, господин генерал-полковник представляет на ваше утверждение приказ о снижении рациона питания. Солдаты уже едят трупы лошадей.

Паулюс молча читает. Пауза.

ПАУЛЮС. Я не вижу здесь пленных русских солдат.

ШМИДТ. Они не будут с этого дня получать пищи.

ПАУЛЮС (после молчания). Они бы скорее согласились на смерть от пули, чем от голода.

ШМИДТ. Но это против всех законов войны — уничтожать пленных путем расстрелов.

ПАУЛЮС. А уничтожать голодом?!

ШМИДТ. Мы предоставляем им возможность самим позаботиться о себе!

Молчание.

ПАУЛЮС. Еще месяц и мы все умрем от холода, голода и болезней.

ШМИДТ. Госпитали уже не вмещают всех раненых и обмороженных. Трупы сотнями лежат на дорогах... Что прикажете делать?

ПАУЛЮС. Держаться до конца.

Титр:

К 7 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА ДОНСКОЙ ФРОНТ ЗАКОНЧИЛ ПОДГОТОВКУ ПОСЛЕДНЕЙ ОПЕРАЦИИ В РАЙОНЕ СТАЛИНГРАДА.

ШТАБ РОКОССОВСКОГО

Воронов, Рокоссовский.

ВОРОНОВ. Вы когда-нибудь предъявляли ультиматум осажденному противнику?

РОКОССОВСКИЙ. Не случалось, Николай Николаевич.

ВОРОНОВ. Товарищ Сталин передал мне, что Верховное Главнокомандование не хочет напрасного пролития крови. Товарищ Сталин предложил мне предъявить ультиматум Паулюсу... Я вызвал из Москвы специалистов. Они подняли архивы Гаагской конференции за 1907 год. (Диктует.) Командующему шестой германской армией генерал-полковнику Паулюсу или его заместителю и всему офицерскому и рядовому составу окруженных германских войск под Сталинградом...

МОСКВА. СТАВКА

СТАЛИН (по ВЧ). Я прочел текст ультиматума. Я бы предложил, товарищ Воронов, больше льгот солдатам и офицерам Паулюса. Больше льгот...

РАДИСТ (передает текст ультиматума). «...Мы гарантируем всем, прекратившим сопротивление офицерам и солдатам, жизнь и безопасность...»

На фоне листовок, сбрасываемых с самолетов —

текст ультиматума:

«...При отклонении вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем, что войска Красной Армии и Красного Воздушного Флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение вы будете нести ответственность...»

ШТАБ ПАУЛЮСА

Паулюс, Шмидт, Адам. У Адама в руках листовки — условия капитуляции.

АДАМ. Они ожидают нашего ответа завтра в 10 часов в письменном виде через представителя, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге на разъезд Конный, станция Котлобань. Их доверенные офицеры будут ждать нашего представителя в районе «Б».

Молчание.

ШМИДТ. Это — пропаганда!

ПАУЛЮС. Сообщите предложение русских фюреру. Быть может, это лучший выход из положения...

ШМИДТ. Что касается меня, господин генерал-полковник, я бы расстреливал каждого, кто попытается заговорить о капитуляции.

АДАМ. Тогда начинайте с меня, господин генерал!

ПАУЛЮС (бесстрастно). Передайте предложение русских фюреру...

РАЗЪЕЗД КОННЫЙ

Морозный день. Майор Дятленко, с ним двое военных и горнист с белым флагом появляются на дороге. Остановились. Горнист дает сигнал.

Немцы начинают ураганный огонь по парламентерам...

Парламентеры залегли...

ШТАБ ПАУЛЮСА

ПАУЛЮС. Ответа от фюрера все нет! Что он думает? Чего́ он хочет?!

Титр:

В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ КОМАНДОВАНИЕ ДОНСКОГО ФРОНТА ПОВТОРИЛО ПРЕДЛОЖЕНИЕ О КАПИТУЛЯЦИИ.

РАЙОН МАРИНОВКИ

Советские военные с белым флагом ожидают прибытия германских представителей. Подходят обер-лейтенант и солдаты.

ДЯТЛЕНКО. Я уполномочен командованием Красной Армии вручить текст ультиматума командующему шестой германской армией или тому, кто его замещает.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ (через переводчика). Я уполномочен доставить вас на командный пункт нашей части. Я должен завязать вам глаза.

ДЯТЛЕНКО. Хорошо, если таково правило.

Русским парламентерам завязывают глаза.

Затем мы их видим в блиндаже германского офицера.

Дятленко передает пакет.

ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТ. Я должен получить указание. (Звонит по телефону.) Генерал-полковника Штреккера! (Ждет.) Господин генерал, русские парламентеры прибыли. Каковы будут приказания? Слушаюсь! (Кладет трубку.) Господин генерал-полковник доложит командованию армии.

ДЯТЛЕНКО. Будем ждать.

ШТАБ ПАУЛЮСА

Паулюс читает библию.

Входит Адам.

АДАМ. Господин генерал-полковник, ответ фюрера.

ПАУЛЮС (читает). «Фюрер приказал: шестая армия выполняет свою историческую миссию, давая возможность создать новый фронт под Ростовом и севернее Ростова. Капитуляция исключена. Цейтлер».

НОЧЬ НАКАНУНЕ 10 ЯНВАРЯ.

Мы видим Воронова на батареях... На одной, другой, третьей... Он не задает никаких вопросов, молча идет вдоль фронта тяжелых орудий.

Титр на этом фоне:

2000 ОРУДИЙ И 3000 МИНОМЕТОВ ДАЛИ СЮДА ЛЮДИ СОВЕТСКОГО ТЫЛА ДЛЯ ПОСЛЕДНЕЙ, РЕШАЮЩЕЙ БОРЬБЫ ПОД СТАЛИНГРАДОМ.

БАТАРЕЯ

К Воронову подходит офицер.

ОФИЦЕР. Разрешите доложить, товарищ генерал-полковник!

ВОРОНОВ. Да.

ОФИЦЕР. Немцы отклонили ультиматум.

ВОРОНОВ (после паузы). Ну, что ж! Если враг не сдается — его уничтожают...

И вслед за этими словами

ураганный огонь советской артиллерии, минометов — полевых и гвардейских — обрушивается на передний край немцев...

На этом фоне — титр:

В 8 ЧАСОВ УТРА 10 ЯНВАРЯ 1943 ГОДА ВОЗДУХ ВЗДРОГНУЛ ОТ ОДНОВРЕМЕННО НАЧАВШЕЙСЯ НА ВСЕМ ФРОНТЕ КАНОНАДЫ. БОГ ВОЙНЫ — АРТИЛЛЕРИЯ И САМОЛЕТЫ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ СОКРУШАЛИ ВСЕ ЖИВОЕ, ЧТО БЫЛО ВНУТРИ КОЛЬЦА.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ 65-й АРМИИ

Воронов, Рокоссовский. Командарм 65. Рокоссовский смотрит в бинокль. Перед ним траншеи пехоты врага.

Их сметает смерч огня...

Часы Рокоссовского: 8. 20.

Воронов — начальник всех этих могучих орудий — кричит что-то, но услышать здесь ничего невозможно.

Смотрит на часы: 8.40.

С ревом проносятся над высотой самолеты...

Дымом и копотью покрыто поле, видимое Рокоссовским.

Он смотрит на часы: 8.50.

Орудия грохочут.

ВОРОНОВ (смотрит на часы). Девять ноль пять. (И на ухо Рокоссовскому.) Константин Константинович, время! Начинайте атаку пехоты.

Рокоссовский поднимает руку.

Позади высоты взвивается серия ракет. Рации передают всему фронту сигнал 555... 555... 555.., Телефоны: «Родина»... «Родина»... «Родина»...

Пехота поднимается. Громовой раскат «ура». Звучит марш — его исполняет оркестр. В полном составе он играет на виду у противника... Дивизии идут на штурм со знаменами.

Часы: 10.05.

Снова взвивается серия ракет.

Идут танки с десантами...

У переднего края противника бойцы спрыгивают с плоскостей и устремляются в окопы немцев.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ 65-й АРМИИ

Командарм 65 докладывает Рокоссовскому.

КОМАНДАРМ. Товарищ командующий, пехота заняла первую линию траншей.

ПОЛЕ БОЯ

На каждом шагу — изуродованные обгорелые трупы немцев, исковерканные орудия и минометы, разрушенные блиндажи и окопы. По мере продвижения нашей пехоты в глубину возрастало сопротивление немцев.

Открыли огонь уцелевшие огневые точки. Засевшие в земляные щели, в остовы подбитых танков, автоматчики открыли огонь по наступающим советским частям.

Штыками, гранатами, бутылками с зажигательной смесью выбивали наши бойцы сопротивляющихся немцев...

Снежное поле посерело от копоти и дыма... Черными впадинами зияли бесчисленные воронки — следы налетов советской авиации.

ШТАБ РОКОССОВСКОГО

РОКОССОВСКИЙ (у ВЧ). В результате первого дня генерального наступления, товарищ Сталин, противнику нанесено громадное поражение. Задача первого дня полностью выполнена. Войска фронта продолжают бои...

На фоне боев — титр:

ОЖЕСТОЧЕННЫЕ БОИ ПРОДОЛЖАЛИСЬ ДО 13 ЯНВАРЯ.

ТОЛЬКО ПОСЛЕ ТОГО, КАК ФЛАНГИ ПАУЛЮСА БЫЛИ ОХВАЧЕНЫ ЧАСТЯМИ ДОНСКОГО ФРОНТА, НЕМЦЫ НАЧАЛИ ОТХОДИТЬ.

На экране карта.

Диктор:

— Части немцев откатывались на восточный берег реки Россошка (стрелка показывает).

МОСКВА. СТАВКА

СТАЛИН (у ВЧ). Я нарочно не звонил вам раньше, не хотел мешать... Как дела? Одну минуту... (Берет лупу, подвигает телефон к карте.)

РОКОССОВСКИЙ (у ВЧ). Несмотря на отчаянное сопротивление, задача первого этапа выполнена, товарищ Сталин. Западный выступ оборонительной системы немцев срезан.

Сталин отмечает по карте.

РОКОССОВСКИЙ. Чтобы в максимальной степени использовать благоприятную обстановку, центр тяжести переносим на действия двадцать первой армии. Во взаимодействии с ударной группой шестьдесят четвертой и пятьдесят седьмой армий она завершит окружение группировки врага в районе Басаргино, Воропаново, Питомник...

СТАЛИН. Помню, помню эти места. Там много балок, трудно вам будет. (Слушает.) Хорошо, согласен. Объявите мою благодарность войскам вашего фронта за отличные и успешные боевые действия.

РОКОССОВСКИЙ. Спасибо товарищ Сталин. Немедленно сообщу всем частям.

ШТАБ ПАУЛЮСА

Паулюс над картой. Здесь же Шмидт, Адам.

ПАУЛЮС. Организуйте сопротивление на восточном берегу Россошки. Теперь мы должны делать только одно: оттягивать последний час... Они не начнут нового наступления раньше, чем через два-три дня. Им надо оправиться после такой операции.

ШМИДТ. Солдаты нуждаются в моральной поддержке.

ПАУЛЮС. Опубликуйте мой приказ. Адам, пишите! (Диктует.) «Солдаты! Мы все знаем, что грозит нам, если армия прекратит сопротивление... У нас есть только один выход: бороться до последнего патрона! Будем надеяться на наше близкое избавление, которое находится в пути к нам...»

АДАМ. Господин генерал-полковник, что находится в пути к нам?

ПАУЛЮС. Смерть.

ШТАБ РОКОССОВСКОГО

Воронов, Рокоссовский, начальник штаба фронта.

НАЧ. ШТАБА. На второй линии немецкой обороны, Константин Константинович, по Россошке (карта) наши части столкнулись с мощными укреплениями.

ВОРОНОВ. Успели!

НАЧ. ШТАБА. Паулюс, как показывают пленные, приказал укреплять этот рубеж.

ВОРОНОВ. Сорвать!

РОКОССОВСКИЙ. Приказ двадцать четвертой армии—стремительным маневром перерезать пути отхода врага, настичь, уничтожить по частям. Приказ шестьдесят пятой армии — во взаимодействии с двадцать четвертой сорвать план Паулюса.

НАЧ. ШТАБА. Слушаюсь, товарищ командующий!

ШТАБ ПАУЛЮСА

ШМИДТ. Рубеж по Россошке и Червленной, господин генерал-полковник, открыт с флангов. Русские предупредили нас! Их армии выходят в тылы.

ПАУЛЮС. Бросьте туда все, что можно. Держите этот рубеж. Удержите его во что бы то ни стало!

ШТАБ РОКОССОВСКОГО

РОКОССОВСКИЙ (у ВЧ). Командарм двадцать четвертой? Рокоссовский. На вашем участке намечается успех. Развивайте его, не задерживайтесь! Производим перегруппировку и даем вам подвижные части... Действуйте еще более энергично! (Кладет трубку.)

На фоне боев — титр:

УТРОМ 15 ЯНВАРЯ ЧАСТИ ДОНСКОГО ФРОНТА ВОЗОБНОВИЛИ НАСТУПЛЕНИЕ. КОРОТКИМ МОЩНЫМ УДАРОМ БЫЛА ПРОРВАНА ЕЩЕ ОДНА ЛИНИЯ ОБОРОНЫ НЕМЦЕВ. КАТАСТРОФА БЫЛА НЕМИНУЕМОЙ, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ПАУЛЮС ПРОДОЛЖАЛ СОПРОТИВЛЕНИЕ.

На экране карта.

Диктор:

— Используя свои последние резервы, Паулюс бросил их на защиту последней линии обороны (стрелка показывает) **— бывшего Сталинградского внутреннего обвода. Прорыв обвода был возложен Рокоссовским на армию Толбухина.**

У ТОЛБУХИНА

ТОЛБУХИН (начальнику штаба). Мне предлагают наступать вот тут. А я говорю — неверно. Надо наступать вот здесь (показывает по карте).

НАЧ. ШТАБА. Но почему, Федор Иванович?

ТОЛБУХИН. А потому, дорогой мой, что здесь мы будем рвать те самые укрепления, которые я же и строил! (Вынимает пачку бумаг.) Вот, полюбопытствуй. Схема укреплений.

НАЧ. ШТАБА (читает). «Утверждаю. Толбухин»... «Утверждаю. Толбухин...» (Со смехом). Построили на свою голову.

ТОЛБУХИН. Да я тут каждую огневую точку знаю!

НАЧ. ШТАБА. Воля ваша, товарищ командующий. Что вы строили, то вам и рвать!

ТОЛБУХИН. Ручаюсь, ворвусь в Сталинград первым. Итак, наступаем (по карте) восточнее Цибенко. Как раз в том районе мы кое-что не достроили, да и немцы не успели.

Кадры боя на обводе — титр:

ПОД УДАРАМИ ЧАСТЕЙ ДОНСКОГО ФРОНТА НЕМЦЫ ОСТАВИЛИ ВНУТРЕННИЙ ОБВОД И ОТХОДИЛИ К СТАЛИНГРАДУ. ВТОРОЙ ЭТАП ОПЕРАЦИИ БЫЛ БЛЕСТЯЩЕ ЗАВЕРШЕН.

КОМНАТА ВОРОНОВА В ШТАБЕ РОКОССОВСКОГО

Воронов говорит по ВЧ.

ВОРОНОВ. Поздравляю, товарищ Толбухин... Прекрасный маневр, классический маневр...

ТОЛБУХИН. То-то и оно... Ударная группа армии — на подступах к окраинам Сталинграда!

ВОРОНОВ. Хорошо. Замечательно, товарищ Толбухин.

На фоне боев — титр:

22 ЯНВАРЯ НАСТУПЛЕНИЕ ВОЗОБНОВИЛОСЬ С НОВОЙ СИЛОЙ. ПРЕСЛЕДУЯ НЕМЦЕВ, НАШИ ЧАСТИ К ИСХОДУ 24 ЯНВАРЯ ПОДОШЛИ К ЗАПАДНЫМ ОКРАИНАМ СТАЛИНГРАДА.

ШТАБ ПАУЛЮСА В СТАЛИНГРАДЕ, В ПОДВАЛЕ УНИВЕРМАГА

ПАУЛЮС (диктует Адаму). «Мой фюрер, вот подробная, отражающая истинную ситуацию, характеристика положения, создавшегося в котле на сегодня, 25 января: масса необеспеченных раненых; катастрофическое положение в смысле продовольствия, горючего, боеприпасов; позиций нет, помещений нет; появляются тяжелые признаки разложения: самоубийства, помешательства. Прошу свободы действия в целях продолжения борьбы, пока она возможна, и капитуляции, когда возможности продолжать борьбу не станет. Командующий шестой армией фон-Паулюс».

АДАМ. Вы надеетесь, что вам ответят?

ПАУЛЮС. Они отвечают за судьбу ста пятидесяти тысяч человек.

АДАМ. Они перекладывают ответственность на вас, мой генерал!

ПАУЛЮС. Молчите, Адам!

АДАМ. Фронт трещит по всем швам. Они прорвали блокаду Ленин-

града, наступают на Кавказе и в центре...

ПАУЛЮС. Молчите, Адам!

АДАМ. Что же у нас осталось, мой генерал?

ПАУЛЮС. Наши пистолеты.

На фоне боевых кадров — титр:

К ВЕЧЕРУ 26 ЯНВАРЯ ВОЙСКА ДОНСКОГО ФРОНТА, ОКОНЧАТЕЛЬНО СЛОМИВ СОПРОТИВЛЕНИЕ НЕМЦЕВ, ВОШЛИ В СТАЛИНГРАД В РАЙОНЕ МАМАЕВА КУРГАНА.

РОДИМЦЕВ И ГРУППА ЕГО ШТАБНЫХ

выносят знамя дивизии.

Родимцев и все с ним ползут к переднему краю. Перед ними — знакомые нам очертания Мамаева Кургана.

РОДИМЦЕВ. Вперед!

Встает во весь рост и со знаменем на плече идет впереди своей пехоты. Он на вершине Мамаева Кургана. Навстречу ему с западного холма поднимается командир. Объятия. Поцелуи. Слов нет. Родимцев укрепляет на вершине Мамаева Кургана знамя 13-й Гвардейской...

МОСКВА. СТАВКА

СТАЛИН (на карте Сталинграда втыкает флажок в место, обозначенное «Высота 102,0»). Соединились! Выстояли сталинградцы! Молодцы!

На фоне уличных боев в Сталинграде — титр:

К 27 ЯНВАРЯ ГРУППИРОВКА НЕМЦЕВ БЫЛА РАЗРЕЗАНА НА ДВЕ ЧАСТИ — ЮЖНУЮ И СЕВЕРНУЮ. НАДЕЖДА НА ОСВОБОЖДЕНИЕ, ОБЕЩАННОЕ ФЮРЕРОМ, ОКОНЧАТЕЛЬНО РУХНУЛА. НАЧАЛАСЬ СДАЧА В ПЛЕН ЦЕЛЫХ СОЕДИНЕНИЙ.

ШТАБ ПАУЛЮСА В УНИВЕРМАГЕ В СТАЛИНГРАДЕ

АДАМ. Сегодня, тридцатого января — десятая годовщина прихода фюрера к власти, а он даже не подошел к микрофону...

ПАУЛЮС. А что бы он мог сказать?

АДАМ. Нас принесли в жертву престижу, господин генерал-полковник.

Быстро входит Шмидт.

ШМИДТ. Русские блокировали универмаг.

ПАУЛЮС (встает). Как?

ШМИДТ. Их танки вокруг. Связь с частями прервана, дивизии сдаются. Что делать, господин генерал-полковник?

ПАУЛЮС. Я хочу поспать хоть час.. (Ложится. Адам накрывает Паулюса шинелью и тушит свет.)

Во тьме советские танки вокруг универмага...

В городе стрельба и пожары...

На одной из площадей немецкая дивизия складывает оружие.

УНИВЕРМАГ

Свет снова горит в комнате Паулюса.

Паулюс, сидя на кровати, читает радиограмму.

АДАМ. Поздравляю вас с присвоением вам звания генерал-фельдмаршала...

ПАУЛЮС (с иронией). Фюрер так щедр... Что в городе, Адам?

АДАМ. Еще сопротивляются.

НА ПЛОЩАДИ У УНИВЕРМАГА

Идет группа советских военных с белым флагом.

ГОЛОСА. Советские парламентеры!

Германские солдаты раздвигают перед ними ворота проволочного заграждения вокруг универмага.

Парламентеры идут к универмагу.

Выстрелы смолкают...

КОМНАТА ПАУЛЮСА

ШМИДТ (входит). Господин генерал-фельдмаршал, русские парламентеры!

ПАУЛЮС (встает). Уничтожайте радиостанции, жгите бумаги! (Адам уходит.)

ШМИДТ. Надо потребовать от них сохранения наших жизней, господин генерал-фельдмаршал.

ПАУЛЮС. Ваша жизнь будет спасена, господин Шмидт!

Русские парламентеры входят в коридор подвала универмага. Он забит германскими солдатами и офицерами.

СОВЕТСКИЙ КОМАНДИР. Сложить оружие!

Грохот автоматов и пистолетов, падающих на бетонный пол.

Титр (на фоне немецких газет):

«НЕМЕЦКИЕ СОЛДАТЫ, СПЛОТИВШИСЬ ВОКРУГ ПАУЛЮСА, ОБОРОНЯЛИСЬ ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИСТСКИХ МАСС... ФЕЛЬДМАРШАЛ ФОН-ПАУЛЮС, ЗАХВАЧЕННЫЙ В ПЛЕН БОЛЬШЕВИКАМИ В ЗДАНИИ ГПУ В СТАЛИНГРАДЕ, БЫЛ СЕРЬЕЗНО РАНЕН И УЖЕ ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ДО ЭТОГО НАХОДИЛСЯ В СОВЕРШЕННО БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ».

Германское информационное бюро «Трансоцеан».

ШТАБ ПАУЛЮСА

В комнату входят советские офицеры.

ОФИЦЕР. Оружие!

Паулюс, Адам, Шмидт вынимают из карманов пистолеты и кладут на стол.

ОФИЦЕР. Господин фельдмаршал, вы пленены частями шестьдесят четвертой советской армии.

СТАЛИНГРАД

Машина с Паулюсом и Шмидтом, сопровождаемая советскими машинами, идет по Сталинграду мимо колонн пленных, мимо груды человеческих тел, мимо великих развалин города-героя.

Машина идет вдоль колонн пленных. Паулюс смотрит прямо перед собой...

СТЕПЬ

Машины, сопровождающие Паулюса, — в степи между Волгой и Доном...

Густой толпой идут вчерашние завоеватели — оборванные, с черными лицами, худые, голодные, с впалыми щеками, безучастные ко всему на свете...

Паулюс ни разу не поднял на них глаз. Он смотрит только вперед, только вперед...

КОМНАТА ВОРОНОВА В ШТАБЕ РОКОССОВСКОГО

Воронов, Рокоссовский, Паулюс, Дятленко.

ВОРОНОВ. Господин фельдмаршал, северная группа Штреккера все еще продолжает сопротивление. Дайте приказ прекратить бойню. Пожалейте своих солдат!

ПАУЛЮС. Я не могу отдать такой приказ, я больше не командующий, я просто пленный солдат...

РОКОССОВСКИЙ. Мы понимаем ваши цели: вы хотите задержать наши части еще на несколько дней. Но завтра мы уничтожим группировку Штреккера!

ПАУЛЮС. Я не могу дать такой приказ...

ВОРОНОВ. Господин фельдмаршал, подумайте! Командующий фронтом сейчас же отдаст приказ — уничтожить северную группу.

Паулюс мрачно смотрит в пространство.

РОКОССОВСКИЙ. Ваше последнее слово?

Паулюс молчит.

На фоне боевых кадров — титр:

2 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА ВОРОНОВ ПРЕДЪЯВИЛ УЛЬТИМАТУМ КОМАНДУЮЩЕМУ СЕВЕРНОЙ ГРУППИРОВКОЙ ГЕНЕРАЛУ ШТРЕККЕРУ. УЛЬТИМАТУМ БЫЛ ОТВЕРГНУТ, РОКОССОВСКИЙ ПРИКАЗАЛ УНИЧТОЖИТЬ СЕВЕРНУЮ ГРУППИРОВКУ...

РАЙОН БОЯ

Насыпь железной дороги в Сталинграде. Места, где бой прошел со всей своей страшной силой только вчера... Трупы, трупы, разбитые орудия и снова трупы на снегу... Огонь артиллерии, авиация бьет немцев, взрывы, огонь, огонь, огонь...

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

Воронов, Рокоссовский.

РОКОССОВСКИЙ. Час сорок, а они все дерутся... Сколько же их там?

ОФИЦЕР. Разведка просчиталась. Их там не меньше сорока тысяч.

РОКОССОВСКИЙ. Еще огня! Еще огня!

Новая волна ударов артиллерии, грохот и вой самолетов.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ ЛЮДНИКОВА

Тут Чуйков, Людников, Гуров, журналисты, фотокорреспонденты, операторы. У всех прекрасное настроение—близок конец.

ЧУЙКОВ. Славно дерутся твои люди, Иван Ильич!

ЛЮДНИКОВ. Понимают, товарищ командующий,—в историю входят.

Смех.

ГУРОВ. Смотрите, смотрите, белый флаг!

Прямо перед наблюдательным пунктом, на черной от дыма и копоти стене цеха — белый флаг.

ГОЛОСА. Сдаются!

ЧУЙКОВ. Прекратить огонь!

...Прекратить огонь! Прекратить огонь! Прекратить огонь! — несутся крики связистов в телефоны.

...Наступает мертвая тишина.

ЧУЙКОВ. Кончилось! Больше в Сталинграде никогда не будет литься кровь советских людей... Шестьдесят вторая армия выполнила свою боевую задачу.

Тишина. Сталинград молчит.

И вдруг внизу раздается орудийный выстрел. Все вздрогнули.

ЧУЙКОВ. Что там?

ГОЛОС (снизу). Опоздавший фотограф захотел снять последний выстрел в Сталинграде!

ЧУЙКОВ. Тьфу, проклятый! В первый раз испугался! (Вытирает выступивший пот.) Ну, товарищи, вот вы уже и в глубоком тылу...

ЛЮДНИКОВ. И полевых выдавать больше не будут.

Смех.

ШТАБ РОКОССОВСКОГО

Воронов, Рокоссовский.

ВОРОНОВ (у ВЧ). Товарищ Сталин, бесконечно рады доложить вам: боевые действия в районе Сталинграда сегодня в четырнадцать часов закончились.

МОСКВА. СТАВКА

СТАЛИН (взволнованный, у ВЧ). Очень рад, поздравляю. Благодарю вас, товарищ Воронов. Благодарю товарища Рокоссовского, его офицеров и солдат. Давайте официальное сообщение. Ждем вас...

Титр:

«ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ. ВЫПОЛНЯЯ ВАШ ПРИКАЗ, ВОЙСКА ДОНСКОГО ФРОНТА В 16.00 2-ГО ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА ЗАКОНЧИЛИ РАЗГРОМ И УНИЧТОЖЕНИЕ ОКРУЖЕННОЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА.

ПОЛНОСТЬЮ УНИЧТОЖЕНЫ И ЧАСТИЧНО ПЛЕНЕНЫ: 11 АРМЕЙСКИЙ КОРПУС, 8 АРМЕЙСКИЙ КОРПУС, 51 АРМЕЙСКИЙ КОРПУС, 14 ТАНКОВЫЙ КОРПУС, 4 АРМЕЙСКИЙ КОРПУС, 48 ТАНКОВЫЙ КОРПУС, ВСЕГО 22 ДИВИЗИИ...

ЗАХВАЧЕНО СВЫШЕ 91 000 ПЛЕННЫХ, В ТОМ ЧИСЛЕ 2500 ОФИЦЕРОВ, 24 ГЕНЕРАЛА, ИЗ КОТОРЫХ: ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ—1, ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКОВ—2...»

РОКОССОВСКИЙ

перед фронтом дивизии читает приказ.

РОКОССОВСКИЙ. «Приказ Верховного Главнокомандующего по войскам Донского фронта.

Представителю Ставки Верховного Главнокомандования маршалу артиллерии товарищу Воронову. Командующему войсками Донского фронта генерал-полковнику Рокоссовскому.

Поздравляю вас и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации под Сталинградом вражеских войск. Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия.

Верховный Главнокомандующий **Сталин.** Москва, Кремль. 2 февраля 1943 года».

Оркестр играет марш.

ВОРОНОВ. Товарищу Сталину — ура!

Мощное «ура» несется в ответ.

Кадры трофеев, колонны пленных и на этом фоне—

титр:

ТАКОВ ИСХОД ОДНОГО ИЗ САМЫХ КРУПНЫХ СРАЖЕНИЙ В ИСТОРИИ ВОЙН...

САМОЛЕТ В ВОЗДУХЕ

В нем Воронов и Рокоссовский. Они летят над полями прошедших битв. Черной густой колонной идут пленные немцы, идут на запад, по степи, по голой степи, где воет ветер, где мороз ужасен, где нет жилья, чтобы можно было согреться; где стоят лишь остовы печей, да остатки изб, сожженных теми же, что тянутся бесконечной колонной на запад...

САМОЛЕТ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ АЭРОДРОМЕ

Его встречает множество военных. Все они в погонах.

ВОРОНОВ (выходя из самолета, шутливо). Константин Константинович, да туда ли мы попали? Погоны! Золото! Может быть, мы заблудились?

Смех, объятия. Встречаются старые боевые друзья.

ОДИН ИЗ ГЕНЕРАЛОВ. Хорошо же это у вас получилось! Замечательно!

И эти слова
повторяет вся страна.

— Замечательно вышло!

— Да, уж вышло, так вышло!

— Здорово получилось!

ЧУЙКОВ (Гурову и Крылову). Нет, что ни говори, — замечательно получилось!

МОСКВА. СТАВКА

Сталин, члены Правительства, Василевский.

ВАСИЛЕВСКИЙ (докладывает по карте). Заняты Старый Оскол, Изюм, Барвенково, Балаклея, Батайск, Ейск. Наши части вышли на побережье Азовского моря...

Открывается дверь, входят Рокоссовский и Воронов. Сталин идет им навстречу. Рокоссовский очень смущен таким приемом. Сталин берет его ладонь в обе руки.

СТАЛИН. Очень хорошо вышло, товарищ Рокоссовский! Очень хорошо, товарищ Воронов! Спасибо. Спасибо от всех нас, от всего советского народа!

Кадры парада на Красной площади.

И на этом фоне—

титр:

«СТАЛИНГРАД БЫЛ ЗАКАТОМ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ АРМИИ. ПОСЛЕ СТАЛИНГРАДСКОГО ПОБОИЩА, КАК ИЗВЕСТНО, НЕМЦЫ НЕ МОГЛИ УЖЕ ОПРАВИТЬСЯ. СТАЛИН».

С торжественным замедлением летопись закрывается.

КОНЕЦ.

МУЗЫКА В КИНОИСКУССТВЕ И НА КИНОПРОИЗВОДСТВЕ

А. ХАЧАТУРЯН

Двадцать лет тому назад только что возникшее звуковое кино декларировало свое право и законные претензии на настоящую музыку.

С тех пор кино и музыка неразлучны; они сосуществуют, творчески обогащая друг друга.

Музыка становится не только важнейшим, но и неотъемлемым компонентом киноискусства. Отныне ни один фильм, представителем какого бы жанра он ни был, немыслим без музыки. Отказавшись от примитивных обязанностей иллюстрировать немое оптическое изображение, она врастает теперь в живую ткань драматургии фильма.

По-новому и всерьез поставленные задачи, а также миллионные аудитории кинозрителей, которые превратились в слушателей, привлекли к кинематографии и творчески стимулировали наших лучших композиторов, чьи имена составляют гордость советского музыкального искусства.

Придя в звуковое кино, они принесли с собой высокую музыкальную культуру. А сблизившись с кино, узнав его особые, возросшие требования и открывшиеся богатейшие возможности, убедились, что в результате сложного взаимодействия двух искусств в ряду классических музыкальных форм обосабливается новая разновидность, формируется новый специфический жанр, рождается киномузыка, имеющая все основания и права на самостоятельное существование.

Лучшие образцы созданной для кино музыки сохраняют собственную жизнеспособность и независимость.

Сюита С. Прокофьева из музыки к фильму «Александр Невский» украшает ныне репертуар лучших оркестров. Частый гость на концертных эстрадах и музыка к фильму «Златые горы» Д. Шостакозича. Написанная им же 15 лет тому назад «Песня о встречном» из фильма «Встречный» во время войны 1941—1945 годов возродилась в Соединенных Штатах Америки, где завоевала широкую популярность как «Гимн Объединенных наций».

Можно привести немало примеров, когда с советского экрана звучала талантливая, свежая и оригинальная музыка, разнообразная по индивидуальной композиторской манере письма.

Чувство законной гордости испытал, несомненно, всякий, кому довелось сопоставить музыкальное оформление советских и американских фильмов Это — величины трудносравнимые. Мы не говорим об удачном использовании американцами классической музыки и о технически отличной записи звука, не говорим об исключениях, встречающихся буквально единицами. Речь идет о музыке массовой продукции Голливуда. На ней лежит печать ремесленничества и стандарта. Хоть бы один намек на самостоятельное музыкальное мышление, хотя бы блестка авторской фантазии! Бесцветная, механическая, посредственная музыка, она — вопреки своей развлекательной функции, на которую рассчитывают авторы, — на наш взгляд, способна только ввергнуть в уныние. Весьма полезное сопоставление! Это — еще одно свидетельство и хорошего вкуса, присущего нашим людям, и безусловной идейно-художественной гегемонии советского музыкального творчества в современном мировом музыкальном искусстве.

Но, пожалуй, нигде так не ощутимы заслуги киномузыки, как в создании и популяризации массовой песни. Музыка И. Дунаевского к фильмам «Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга», «Богатая невеста» и многим другим, произведения Т. Хренникова, братьев Покрасс и ряда композиторов, удостоенных сталинских премий за киномузыку, сыграли большую роль в формировании советского песенного стиля.

Не случайно спрашивают в народе, услышав новую песню:

— А из какой это картины?..

Для песни экран—это кратчайший путь к сердцу народа.

Из всех каналов, по которым внедряется в массы музыкальная культура, экран обладает огромным преимуществом: он сочетает чисто музыкальное воздействие с обаянием зримого образа.

Редким даром награждено искусство кино: оно может непосредственно формировать массовый музыкальный быт; кино—это большой организатор музыкального воспитания народа.

***

Всякий раз, отмечая достижения, советский художник, как и любой советский человек, обязан анализировать все, что мешало добиться большего и что тормозит дальнейшее развитие.

По отношению к киномузыке такой анализ особенно необходим. Именно в этой области за последние два-три года появляются признаки явного неблагополучия, свидетельствующие об отставании от возросшего уровня требований и вкусов нашего народа.

Постановление Центрального Комитета партии «О кинофильме «Большая жизнь» конкретно указывает на один пример такого неблагополучия—песни Н. Богословского, проникнутые кабацкой меланхолией и чуждые советским людям.

К сожалению, это не единичный пример, когда композитор предал забвению великие идейно-воспитательные задачи советского искусства. Достаточно сослаться на группу кинокомедий: «Близнецы», «Беспокойное хозяйство» и др.

Ни плохие тексты, ни порочная драматургия, ни слабая режиссура не снимают с композитора ответственности за низкую музыкальную культуру фильма.

Некоторые из авторов оказались в плену нелепого предрассудка, будто широкое распространение песни само по себе уже является показателем ее художественных качеств. «Масса поет!»—приводят они единственный довод и, закрыв глаза на то, что в массе существуют люди с отсталыми вкусами, угождают этим вкусам, отказываясь тем самым от активного воспитательного воздействия на массы своим творчеством.

Ложно понимая «народность» и «доходчивость», такие авторы не стесняются заимствовать музыкально-выразительные средства из пошлых, безидейных зарубежных песенок, из салонно-ресторанного репертуара.

Было бы неправильным возражать против творческого освоения некоторых особенностей джазовой музыки. Но можно ли воссоздать в музыке образы, чувства и мысли советских людей, не опошляя и не искажая их, если рабски копировать худшие образцы западноевропейской и американской танцовальной музыки? Любая попытка подобного рода обречена на неудачу.

Внимание к вопросам стиля и высокую эстетическую требовательность иные композиторы подменяют эстетством. Его рецидивы проявляются в увлечении формально-техническими исканиями, в нарочитой сложности и вычурности выражения музыкальной мысли. При этом нередко прикрываются флагом новаторства.

Но как можно забывать, что подлинное новаторство в искусстве всегда было связано с воплощением новых передовых идей и образов современности, а без этого условия неизбежно превращалось в штукарство!

И как можно, работая для кино, забывать, что оно достигает самых отдаленных уголков нашей страны, проникает в самую толщу народных масс?

Дело не только в географических масштабах и не в простом наращении количества слушателей. Вместимость всех кинотеатров страны, включая и театры под открытым небом,— передвижки в кишлаках и аулах, на пастбищах и в полевых станах, на палубах линкоров и в бараках строителей, — это не просто сумма, арифметически превосходящая вместимость концертных залов.

Народность—острая проблема, стоящая во весь рост перед советской музыкой. Для киномузыки эта проблема становится еще острее.

Писать для народа — это значит жить его мыслями и чувствами, чаяниями и надеждами, это значит черпать из неиссякаемого источника народного песенно-музыкального творчества, приумножая богатство его вековых традиций, это значит «...развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед» (А. Жданов).

Потакание отсталым вкусам, тяготение к умышленно затрудненному, лишенному конкретно образного содержания музыкальному языку, пренебрежение его красочностью, выразительностью и разнообразием, натурализм, — таковы еще неизлеченные стилевые болезни в творчестве композиторов, работающих для кино.

Принципиальная излечимость этих болезней не вызывает ни у кого сомнений.

В чем же причина их возникновения?

Почему пошла на снижение музыкальная культура в некоторых фильмах?

Ответ следует искать в организации киномузыкального дела. Она ни в какой степени не отвечает насущным задачам киноискусства.

Что такое киномузыка в структуре Министерства кинематографии?

Белое пятно.

Нет ни управления, ни какого-либо центра, ни специалиста, который осуществлял бы руководство этим «важнейшим компонентом» киноискусства.

По укоренившейся практике на всех этапах создания фильма, от рассмотрения сценария до выпуска картины, музыкальным оформлением интересовались меньше всего. Когда оценивали готовность фильма («в идейно-художественном отношении!»), учитывали все слагаемые, кроме музыки. Ни одна картина не была еще забракована или задержана выпуском из-за плохого качества музыки.

Музыка целиком была отдана на откуп режиссерам.

И они вольно или невольно заражались от Министерства тем же снисходительным либерализмом, той же пониженной требовательностью.

Судьба музыкального оформления фильмов находилась в прямой зависимости исключительно от субъективных качеств режиссера. Наградила его природа музыкальностью — хорошо! Нет у него вкуса — ну что ж, на нет и суда нет!

Лишь единицы из кинорежиссеров находят с композитором общий язык; в массе же своей они похвастаться музыкальным вкусом не могут.

Композитор, всерьез работающий в театре или в кино, чувствует себя обязанным изучать и изучает драматургию, технологию, специфику.

А кинорежиссер может, не смущаясь, из года в год заявлять: «Я в музыке ничего не понимаю... Я не специалист».

Композиторы часто встречаются с режиссерами на кинопросмотрах, но (увы!) почти никогда — на концертах...

Нет единого руководства киномузыкой.

Поэтому так уныло однообразны решения общих вопросов.

Каждый режиссер хочет иметь заказную музыку. Даже в документальных фильмах, даже в хронике.

Для каждого фильма сочиняется песенка. Даже если она не имеет никакого отношения к сюжету и тормозит его развитие.

А кинематография в целом проходит мимо богатейших залежей песенного фольклора и классического наследства русской музыки. После «Чапаева» мы, пожалуй, не слышали русской песни с экрана...

Как хорошо было бы, если бы кинозритель услышал с экрана звучные и широкие, полные и раздумья и молодого веселья, дорогие сердцу народа русские, украинские, грузинские, белорусские, армянские песни!

Вообще кто-то мог бы всякий раз решать: обязательна ли и для данного фильма музыка, специально сочиненная заново, а не заглянуть ли в хранилище золотого фонда советского музыкального искусства, не обратиться ли к классикам русской музыки? Скажем, вот эта тема интересно разработана у Бородина, а для этой картины Мусоргский будет также удачен, как Рахманинов для «Молодой гвардии» у Н. Охлопкова...

Что, кроме «спасибо», сказал бы народ за такое решение?

Все эти идеи могли бы возникнуть в Министерстве кинематографии, в студиях, у режиссеров; они могли бы возникнуть и у самого композитора, если бы обстановка и условия его работы на всех киностудиях не были бы подчинены единственной идее: «спеши!».

Судя по частоте появления новых картин на экране, никто не сказал бы, что торопливость вообще в крови кинематографистов...

Не торопятся, например, приглашать композитора на картину. В период приглашения счет времени ведется на месяцы, иногда—на кварталы. В день, когда заканчиваются предварительные переговоры и надо приступать к работе, композитор налевает на себя венец мученичества. Времени у него уже ни на что нехватает. О будущей музыке к фильму его еще не успели спросить: «какая?», а уже теребят: «когда же?..».

На монтажно-тонировочные работы, на создание и запись музыки обычно отводится около месяца. Если же съемочный коллектив принадлежит к числу передовых и стремится сдать картину точно в плановый срок, то композитор должен уложиться в 10—15 дней...

За это время композитору надо успеть проделать десяток различных

производственных процессов: от просмотра смонтированных немых кусков и подсчета метража музыки до прослушивания записи, а в промежутке между этими хлопотами, кстати, надо написать музыку.

Мы ставили в упрек композиторам серый, невыразительный музыкальный язык. Добрую половину этих упреков мы охотно переадресовали бы тому, кто создает условия для работы композиторов, если бы... если бы такой человек существовал в студиях или в Министерстве кинематографии.

По существующей технологии композитор включается в производственный процесс на последнем этапе, он пишет музыку, подгоняя ее под отмеренные готовые монтажные куски.

Если судить не по декларациям и личным симпатиям, а по фактическому отношению к труду композитора, то положение, занимаемое им в производстве, вероятно, откладывается в сознании многих кинематографистов в форме переделанной поговорки:

«Кто последний по счету, тот последний по важности».

Известны случаи грубо утилитарного подхода к музыке: иногда ее кладут как заплатку на неудавшиеся места картины.

Известен возмутительный случай, когда музыку, написанную одним из композиторов для определенного эпизода фильма, «подшили», без ведома автора, к другому эпизоду, совершенно отличному от первого по содержанию.

Утверждают, будто технологический процесс нельзя перестроить так, чтобы возникли мало-мальски сносные условия для композиторов.

Считают, что музыку надо писать, созерцая уже заснятые эпизоды и вдохновляясь зрительными образами.

Это путь возможный, но не единственный.

Замысел сценариста и режиссера композитор может прочувствовать и непосредственно, а не через актера.

Записью музыки период спешки для композитора заканчивается. Однако ему еще рано снимать с головы мученический венец. Впереди — миллион терзаний. Их переживает автор, который слушает записанную на пленку музыку и не узнает своего произведения.

Иногда виной этому сам автор.

Чаще вина лежит вне его.

Качество записи звука в кино ни в какое сравнение не идет с отличной теперь граммзаписью, с магнитофоном. И, повидимому, дело не столько в технической аппаратуре, сколько в условиях и в кадрах специалистов.

Как это ни странно, но единственная на весь Союз тонстудия строится на Мосфильме вот уже нето 6, нето 8 лет. «Временно» звукозапись проводится в полукустарных условиях, не удовлетворяющих современным фоническим требованиям.

Квалифицированных звукооператоров, знающих и понимающих музыку, мало.

Откуда вообще появиться музыкальным кинематографистам, если программами ВГИКа музыкальные дисциплины не предусмотрены?

Обидно сознавать, что киномузыка, которую любит массовый зритель,— далеко не та, которую создал композитор и исполнители, а во много раз ухудшенный и записью, и печатью, и проекцией вариант.

Причины снижения музыкальной культуры в звуковом кино последних лет можно выразить почти математической формулой:

— фактические организационные отношения к музыке в кинопроизводстве обратно пропорциональны ее принципиальной роли и значению в киноискусстве.

Ряд многочисленных причин, вызвавших снижение музыкальной культуры фильма, начинается в Министерстве кинематографии и включает в себя также самих композиторов. Кое у кого из них в порядке своеобразной ответной реакции выработалось неуважительное отношение к киномузыке. Кое-кто стал легкомысленно смотреть на работу в кино, как на отхожий промысел.

Наша вина и наша беда, что музыкальную общественность одолела глухота к киномузыке.

Пришла пора резко изменить положение.

Совет Министров СССР своим недавним постановлением обязал новый состав Художественного совета Министерства кинематографии представлять правительству заключения по всем готовым полнометражным фильмам с оценкой всех слагаемых, в том числе качества музыки.

Министерство кинематографии должно, наконец, всерьез заняться руководством киномузыкой.

Надо быстрее решать остро назревшие организационные вопросы: от создания структуры управления до ускорения строительства тонстудии, от разработки программ для поднятия музыкальной культуры студентов ВГИКа и звукооператоров до уточнения роли композитора в постановочной группе и его места в производстве.

Весьма существенным звеном в цепи условий, которые могут влиять на повышение качества музыки наших фильмов, является создание высококвалифицированного оркестра Министерства кинематографии с самостоятельным составом исполнителей. Существующий оркестр, в котором большую роль играют музыканты-совместители, не может удовлетворять растущих потребностей кинематографии.

Решение этих вопросов поможет правильнее поставить и решить творческие проблемы: и ближайшие, конкретные, и связанные с проблемой Большой советской кинематографии.

Решать возникшие вопросы надо не полумерами, не крохоборствуя, а смелее и быстрее, каких бы организационных усилий это ни стоило, какие бы дополнительные трудности ни возникали.

Ибо велики требования нашего народа к своему любимому искусству— кино, велики задачи, которые поставлены перед нами партией и правительством.

Работники советского кино имеют достаточный творческий пыт, чтобы справиться с этими задачами и создать произведения, достойно воплощающие идеи и образы нашего времени.

Советские композиторы в тесном содружестве с кинематографистами будут бороться за глубокую идейность и партийность творчества, за торжество принципов социалистического реализма, за народный, жизненно правдивый, яркий и выразительный музыкальный язык.

ПРОФЕССИЯ И РЕМЕСЛО

Л. ПОГОЖЕВА

Большие идейно-художественные требования, предъявляемые сегодня киноискусству, диктуют необходимость самой непримиримой борьбы с поверхностным, недобросовестным подходом к изображению действительности, борьбы с ремесленничеством и штампом, с некритическим, раболепным отношением к формам буржуазного киноискусства.

Степень правдивости изображения действительности измеряется не отвлеченно взятой идейной стороной произведения. Правильность идеи, правдивость замысла в художественном произведении доказываются безусловным знанием материала и убедительностью художественных образов.

Наше киноискусство — самое передовое в мире, опирающееся на марксистско-ленинско-сталинскую философию, является в своих лучших произведениях подлинно народным искусством, правдиво и глубоко воссоздающим действительность.

Советская кинематография за последние годы создала ряд выдающихся произведений большого идейного значения, которые оказывают заметное влияние на мировое киноискусство.

Среди сценариев, появившихся в самое последнее время, есть серьезные и талантливые произведения, к числу которых прежде всего следует отнести: «Сталинградскую битву» Н. Вирта, «Повесть о «Неистовом» П. Фурманского, «Голубые дороги» Г. Колтунова, «Драгоценные зерна» Э. Бурановой, «Первоклассницу» Е. Шварца.

Знание материала и зрелое мастерство сочетается в этих работах с поисками новых форм в кинодраматургии. Каждый из названных сценариев является глубоко индивидуальным произведением с тщательно отработанным диалогом, подробно выписанными деталями, интересными ремарками.

Эти сценарии создавались без особой спешки, на основе личных наблюдений и глубокого изучения материала.

Однако наряду с серьезным и вдумчивым отношением к делу в практике существует чуждый нам ремесленный, «деляческий» подход к созданию сценария и фильма, и рядом с высокими принципами, на которых основано наше искусство, странным образом уживается холодное, равнодушное отношение к теме произведения, призванного отразить одну из сторон нашей действительности.

Может ли к чему-либо другому, кроме провала, привести практика случайного «содружества» авторов, из которых одному поручается «доработать» сценарий другого?

Только вредным американизмом можно назвать укоренившийся обычай «дописывания» диалогов, переделок сценария на ходу многочисленными «правщиками», иногда портящими первоначальный замысел, а иногда доводящими слабое, лишенное оригинальности произведение до того средне-терпимого уровня, который называют «профессиональным».

Интересы производства, понимаемые как стремление во что бы то ни стало «вытащить» явно недоброкачественную работу, дотянуть ее до этого средне-терпимого «профессионального» уровня, приходят в противоречие с интересами подлинного искусства, не терпящего компромиссов.

Результатом такого компромисса могут быть только фильмы, подобные «Солистке балета» или «Нашему сердцу», фильмы, подвергшиеся справедливой и резкой критике на страницах нашей печати.

Мне представляется, что наличие ремесленного, деляческого отношения к сценарию можно отчасти объяснить тем, что у многих авторов до сих пор живо убеждение, будто сценарий не имеет самостоятельной литературной ценности, а играет лишь подсобную роль, являясь одним из компонентов фильма.

Это устаревшее убеждение, мешающее серьезно и ответственно отнестись к сценарию, толкает некоторую часть авторов, умеющих серьезно и интересно работать, на путь ремесла и штампа и служит оправданием для режиссеров в их стремлении по-своему перекроить каждый сценарий.

Часто этот грустный путь вуалируется от непосвященных рассуждениями о «специфике кинематографа», изображаемой в виде «terra incognito», «специфике», заставляющей пренебрегать тщательной работой над диалогом, пейзажем и ремаркой, но заставляющей выписывать слова: «Из затемнения», «Быстрый наезд», «В затемнение», «Аппарат наезжает», «Шторка» и т. д.

Может быть, приводимый ниже разговор и не происходил в действительности, но он, несомненно, мог бы произойти, если довести до логического конца точку зрения некоторых авторов на сценарий.

Сценарист. Я принес вам сценарий. Правда, в нем кое-что нужно еще доработать.

Редактор. Не «кое-что», а очень многое. У вас ничего не сказано о герое, кроме того, что он молод и отлично работает, у вас отсутствует пейзаж, небрежно сделаны диалог и ремарки...

Сценарист. Наивные требования! Зачем выписывать портрет героя, если режиссер все равно будет снимать того, кого захочет. Зачем описывать природу, если она будет зависеть от места, куда поедет экспедиция. Зачем особенно подробно разрабатывать диалог, — вы все равно дадите его переделать кому-нибудь другому. Что же касается ремарок, то ведь они не снимаются.

Редактор. Да, пожалуй, вы правы. Дадим ваш сценарий переделыцику.

Ни одна самая либеральная редакция литературного издательства, вероятно, не получает от авторов произведения с таким количеством небрежностей, а подчас и грубых ошибок в русском языке, сколько их бывает в сценариях, которые авторы считают законченными, а сценарные отделы представляют на утверждение в Министерство.

Возьмем для примера один из сценариев, автор которого заслуженно считается хорошим профессионалом, и выпишем отдельные ремарки:

«В лице машиниста, немолодом, усталом, зажглась какая-то чисто русская складка души...»

«Парень сердито, неопределенно махнул ей рукой, и его отнесло от нее ровно на десять лет...»

«Стаи птиц остановились в воздухе, свесив головы на милые места...»

«А ребенок на прощанье хлопает и хлопает папку по морде...»

Все эти примеры взяты из сценария «Герой социалистического труда» Екатерины Виноградской.

Ни одна редакция также не могла бы позволить себе предложить пришедшему к ней автору отдать его произведение на «доработку» другому человеку. В кинематографе же это вошло в норму. В нем и до сегодня практикуется, а иногда и поощряется чуждая нам система «сборки» сценария из отдельных частей.

Одним из самых поучительных примеров вынужденного авторского симбиоза можно считать коллективную, но далеко не дружную работу О. Леонидова, Ф. Кнорре, А. Андриевского и С. Ермолинского над романом Д. Дефо «Робинзон Крузо». Совместные усилия четырех сценаристов привели к тому, что вместо одного из самых занимательных сюжетов в мировой литературе зрители увидели на экране скучную, назидательную историю с вяло развивающимися событиями, а также к длительному и не слишком принципиальному спору всех четырех авторов о праве называться «основным».

Также трудно рассчитывать на серьезный результат доработок находящегося в производстве сценария «Колыбель поэта». Было признано, что его основные авторы — Н. Пипинашвили и К. Асатиани нуждаются в подкреплении профессионалами-сценаристами Е. Помещиковым и Н. Рожковым. В творческой биографии этих последних работа над историческим грузинским материалом до настоящего времени не значилась. Им, если они серьезно отнесутся к делу, должен понадобиться длительный срок для изучения исторических и биографических материалов, касающихся классика грузинской литературы — Церетели. Что же может дать для Пипинашвили и Асатиани такое соединение с новыми и неожиданными авторами?

Не так давно Минская студия художественных фильмов сдала фильм «Новый дом». Судьба этого произведения чрезвычайно интересна. В сюжетной основе сценария лежит весьма посредственная по замыслу и выполнению пьеса В. Сухаревича. Сценарий написан Е. Помещиковым. Над возможным искажением этого сценария основательно потрудился в процессе работы над фильмом режиссер Корш-Саблин. В результате был показан фильм настолько слабый, что было принято решение еще раз переработать сценарий, дописав отдельные, поясняющие сюжет эпизоды. Переработку поручили сценаристу М. Блейману. Вероятно, этим опытным и способным сценаристом руководили не совсем творческие побуждения, когда он взялся за доработку творчески чуждого ему фильма. Так фильм был «дотянут» до того среднего уровня, с которым уже пришлось примириться.

Примеров такого «содружества» можно привести еще очень много. Сценарий фильма «Остров Безымянный» написан сценаристом Б. Бродским, а диалоги писал Ю. Герман. Переделки и правку диалога сценария Ф. Кнорре «Сыновья» осуществлял К. Исаев. Сценарий «Центр нападения» писали Е. Помещиков и Б. Ласкин, переделывали М. Блейман и Б. Барнет. Сценарий «Миклуха Маклай» писал В. Волькенштейн, а дорабатывал А. Спешнев. Сценарий «На крутом повороте» писал П. Мелькумов, а диалоги писал В. Виткович. Сценарий «Солистка балета» поочередно писали А. Эрлих, А. Ивановский, И. Бонди, а затем сценарный отдел Ленфильма.

Вероятно, на заре театрального искусства к пьесам было такое же отношение, как сегодня к сценариям. Постановщики и актеры считали возможным импровизировать, менять диалог, придумывать заново целые эпизоды. Однако драматургия выросла, потребовала внимания к себе и подчинила театр автору.

Пятьдесят лет назад, когда все виды искусства находились уже на высокой ступени развития, появились первые примитивные фильмы. И в то время никому не казалось странным существование рядом с шедеврами А. Чехова ремесленных мелодрам для «иллюзиона», сочиненных разными безыменными сценаристами.

Но кинематограф давно уже превратился из иллюзиона в великое и могучее искусство. Теперь нельзя противопоставлять сценариста драматургу, прозаику, поэту. Теперь сценарист не может в формах своей работы оставаться на ремесленном уровне.

Сценарий завоевал себе право считаться особым видом литературы, и это право должно быть за ним закреплено.

У нас нет необходимости в выпуске «механизированной», «штампованной» массовой кинопродукции по типу голливудской, нам нужны произведения индивидуальные по творческой манере, нужно развитие искусства, свидетельствующего о расцвете сил всего нашего народа, искусства, обобщающего жизненный опыт в подлинно реалистических произведениях, широко и смело смотрящих в будущее.

И в интересах развития этого прекрасного, свободного советского искусства следует вести жестокую борьбу с ремесленничеством, равнодушием, практицизмом и делячеством, следует помнить заветы великого советского писателя М. Горького, обращенные к прозаикам, поэтам, драматургам, критикам, редакторам, — заветы, проникнутые единой мыслью: служите верно и честно своему народу, обогащайте наше искусство, углубляйте ваши знания.

Меньше всего у нас могут процветать сценаристы-ремесленники. Меньше всего нам нужны сейчас сюжетные рецепты, построенные на опыте буржуазного киноискусства. Больше всего нам нужен сценарист-мыслитель, ибо мы должны подходить к оценке сценария со смысловым критерием, с критерием отношения искусства к действительности.

«Нефилософствующий писатель — только ремесленник» (Поль Лафарг).

ГЕРОЙ СТАНДАРТНОГО ГОЛЛИВУДСКОГО ФИЛЬМА

Г. РОШАЛЬ

Обычное представление об американской кинематографии как о кинематографии отвлекающей, развлекающей и утешающей, конечно, имеет под собой почву и правильно определяет общий уклон стандартных голливудских картин.

Дельцы Голливуда сами чрезвычайно старательно рекламируют и всеми способами утверждают в сознании зрителя подобное представление о своей продукции. «Если хотите отдохнуть и забыться, если хотите просто посмотреть, как отбивает чечетку красивая Дина Тоджер, или насладиться патокой раскрашенных кадров,— смотрите наши фильмы!..»

Вместе с тем американская кинематография предельно тенденциозна. И суть этой непрерывно действующей, упорной и назойливой тенденции—в воспитании «нового» человека, «стопроцентного американца», черты и облик которого должны стать эталоном, штампом и идеалом для молодежи и вообще для среднего человека Америки.

Какого же именно человека воспитывают эти фильмы?

Он очень обаятелен, этот стопроцентный американец. Он простоват, грубоват, но за всем этим у него доброе сердце. Он может даже быть сентиментальным. Его любят девушки. Таков он на первый взгляд.

Но всмотритесь внимательней, и вы многое поймете. Он наделен и иными качествами, спрятанными за флером внешнего обаяния.

Этот милый простак исповедует только одну религию — религию острого локтя и стального кулака. Ни во что другое он не верит, да и верить не хочет. С каким почти сладострастным удовольствием американский кинематограф при каждом удобном случае включает как наиболее действующее и доступное средство драку, мордобой, знаменитый удар в челюсть! В этом есть своя философия, своего рода философия «демократизма» или «свободной конкуренции»: «я пробьюсь локтями, я кулаком проломаю просеку в непроходимых джунглях Нью-Йорка и Чикаго и буду греться там на солнце успеха...»

Это называется инициативой, личной удачей, уменьем постоять за себя. Это достойно мужчины. В этом—залог победы над конкурентом, над врагом, а главное—над другом, что несравненно трудней. И вот, друзья мило дубасят друг друга и кулаками и в деловых отношениях, не портя при этом улыбки благодеяния, которая в американском кино обязательна даже за пять минут до самоубийства от голода.

И до чего же ограничены эти люди бронированных локтей! Их ограниченность утверждается как вершина современной культуры и комфорта. Эти «индивидуальности» до такой степени стандартизованы и оштемпелеваны печатями массовой продукции, что живого места уже не найдешь. Начиная от прически и кончая модными болезнями, от типа возлюбленной до научных проблем,— все за них определено, все им прописано. Самое смешное в том, что они гордятся этой необходимостью тащить на себе груз прописных истин, как орденами за боевые заслуги на исторических путях. В каком-то кривом зеркале истории им кажутся необыкновенно значительными миллионные тиражи улыбок, конвейерный способ поглощения музыки, литературы, стихов. Америка—единый организм,—кричат они, — могучий именно потому, что она сразу вся и по одному указу жует резинку и меняет сорта подтяжек. Это называется «американизмом»...

С любовью и большим мастерством выпестовывают такого среднего американца в Голливуде. Предтеча и прямой родственник современного киногероя пришел в Голливуд из короткой, но выразительной истории Америки. Он пришел почти готовый, правда, несколько более растрепанный, менее стандартизированный и, пожалуй, более романтичный.

Это он когда-то гонялся по прериям, выжигая и вырезая индейские племена. Это он когда-то в караванах судов под пиратскими парусами сволакивал с черного континента рабов на американские плантации, превращая негра в животное, а американца — в скотину. Это он в лихорадке первоначального накопления носился по всем широтам Америки — конквистадор промышленных дел и родоначальник разбойничьего могущества миллиардеров.

В молодости он действительно верил в туманно понимаемые свободы и даже мечтал о лучших временах. Но к тому сроку, когда он пришел в Голливуд, нимб вокруг его головы давно потускнел, стал желтым, как желтая макулатура бульварных романов и ранних ковбойских картин. Сам того не понимая, герой оказался обманутым. Вместо романтической борьбы с врагами в Клондайке, борьбы за свое будущее, за будущее друзей по коню и приятелей по бару, вместо всего этого джеклондонского набора, он получил стандартные брюки и должность клерка.

Однако истинные хозяева Америки вовсе не собираются потушить конквистадорский пыл в клерках своих контор и в приказчиках своих магазинов, в инженерах своих фабрик и даже в рабочем, если его можно подкупить подачкой.

Кого бы ни играли клар-гейбли и другие гейблеобразные герои стандартного фильма, какие бы сюжеты в нем ни разрабатывались,—с методичностью равномерно падающих капель вдалбливают американцы в различными способами препарированное сознание зрителя приоритет этого образа—посредственного, но преуспевающего, улыбчивого, ловкого на удар, стопроцентного американца.

Для чего, собственно, Голливуд добивается создания этого человеко-

подобного стандарта? Мне кажется, ответ совершенно очевиден. Мизерная индивидуальность, доведенная до ощущения своей исключительности, с удовольствием включается в одинаково подстриженные ряды подобных же исключительностей, и этакий «сверхамериканец» может оказаться прекрасным материалом для конструирования кадров, необходимых шествующему к большим боям американскому империализму.

Недаром вершиной всех этих стопроцентных молодцов упорно утверждаются всевозможные разновидности гангстеров. Успех гангстеровских фильмов в стране, которая так могуче утверждает частный капитал, где святыня сейфа превыше святыни Грааля, может показаться удивительным: почему буржуазия такой страны пропагандирует, культивирует, делает излюбленным цикл картин о тех, кто посягает на эти сейфы, то есть на устои буржуазии? Но ответ на загадку прост: для той подлинной олигархии монополистического капитала, которая руководит американской кинематографией, не так уж близки тревоги средней и даже крупной буржуазии. Что важнее этой капиталистической верхушке,— сохранить благодушное спокойствие у хозяев фабричек, небольших трестов и контор, или воспитать в стандартном американце это бешенство уничтожества, эту привычку к револьверу убийцы?..

Гангстеровские черты объявляются в стандартных фильмах наиболее типичными и приятными в современном молодом человеке: некоторое презрение к прямой опасности, безапелляционность в отношениях с подчиненными, риск, иногда неожиданная бесшабашность, а главное— самовлюбленность и нищета интеллекта.

Если даже стандартный фильм и пытается затронуть социальную проблему, то первая и основная его забота—сделать героя ни на сантиметр не выше взирающих на него из зрительного зала клерков.

Обыкновенно высокие социальные темы сводятся к дурацким панацеям, которые должны заменить глубокое размышление над будущим Америки и мира. Так, например, фильм «Мистер Доу» претендует на спасение американского среднего человека путем создания... клубов соседей. В этой ли глупости, однако, суть фильма? Нет, суть опять-таки в образе героя. Кто же этот спаситель Америки, уничтожающий межквартирные склоки? Он игрок в бейсбол. Он наивен и благороден; он глуп, как высушенная вобла. И, однако, прелестная девушка с первой же минуты несет ему свое девичье сердце.

Вообще, такая постоянная ловля голливудскими героинями женихов,— это чрезвычайно любопытная деталь, характерная для создания ореола вокруг «мужчины», «мужественности», «американских доблестей». Это всегда скрыто за флером свободного поведения американских женщин, их товарищеского обращения с мужчинами, независимости их характера, но все это мимикрия. Суть в том, что мужчине не гоже проявлять свои чувства. Мужчина в манере Гэри Купера или Кларка Гейбля, или Тайрона Пауера должен быть молчалив в этих делах, чуть-чуть грубоват и лишь в глубине души таить гейзеры нераскрытых эмоций. А в картине «Старый Чикаго» все это без всякого зазрения совести сдабривается прямыми деловыми расчетами, куплей и продажей.

Во французском кинематографе женщину ищут, за ней ухаживают, ее понимают, пускай с позиций наивно-старомодных, а зачастую и порочных.

В Америке ни наивности, ни порока, ни ухаживания, ни подлинно женских характеров в стандартных картинах не найдете. Конечно, американка— героиня стандартного фильма—бывает обаятельна, иногда превосходно играет, иногда она очень горда, но в ряде фильмов, ее гордую, герой запросто бьет по щекам и ей должно быть это чрезвычайно приятно.

...Невольно напрашивается вопрос: а не похожи ли эти «стопроцентные американские парни» на некоторые знакомые нам персонажи?.. Не тянется ли прямая цепочка от героя, выращиваемого на экранах Америки, к живому фашисту, гулявшему по Европе с гангстеровским револьвером и дубинкой в руке? Та же самовлюбленность, та же пошлая болтовня о приоритете над всем миром, тот же метод кулака, напыщенность индивидуалиста и стандартная гребенка для сверхчеловеческих голов.

Есть основание предполагать, что и сам Гитлер еще в пору своей подготовки к «деятельности» не вылезал из кино, где демонстрировались американские фильмы.

Послевоенная Америка в некоторых слоях общества оказывается откровенно близкой к только что раздавленному фашизму. Похоже, будто многое из того, что развернули перед нами страшные годы гитлеризма, было взято на откуп с западного континента. Пора это сказать, чтобы стало понятным, к чему может привести воспитание такого стандартного американца, воспитание, использующее и прессу, и литературу, и благородное искусство кинематографии.

Цели начинают проясняться. Этих «цивилизованных», а по сути — малокультурных зрителей голливудских фильмов, этих людей с хорошо взращенными, налитыми силой кулаками, людей с гангстеровским браунингом в заднем кармане брюк, этих ограниченных «милых простачков» могут натравить, подстегнуть, могут сколотить из них армию и бросить в мясорубку войны.

Но, как известно, протесты против голливудского стандарта становятся характерным аккомпанементом к выпуску каждой новой картины. Прогрессивная часть Америки уже не может терпеть этого объевшегося пошлостью героя, этих изощренно-пустопорожних сценариев, этой наглой и назойливой пропаганды эгоизма, недомыслия и узости взглядов.

Мы вправе ожидать от Америки Уитмена и Драйзера, от Америки Рузвельта более решительного, чем это делается теперь, наступления на форпосты херстов, на продукцию Голливуда.

В Голливуде есть прекрасные мастера. Есть лучшая в мире техника, есть огромные возможности, но тот, кто честен, задыхается в бездушной атмосфере Голливуда. Он или бежит оттуда или перемалывается в стандарт и гибнет.

Мы знаем достоинства и недостатки таких картин, как «Вива Вилла», «Гроздья гнева», «Как зелена была моя долина», мы знаем, что одним из маяков мировой кинематографии служит веселое, мудрое и трагическое искусство маленького Чарли. Мы никогда не забудем кадра в его картине «Новые времена». Открывается памятник благополучию и благоденствию, благоустроенности и порядку, тупой и очень сильно смахивающий на стандарты берлинского искусства памятник. Меч в руке одной из фигур. И вот этот меч проткнул маленького человечка, которому трудно и который так одинок. Он еще не знает ни где его друзья, ни куда ведет его бесконечная дорога...

Трудно сейчас точно определить конкретные пути дальнейшей борьбы и дальнейшего утверждения лучшего в американской кинематографии.

Но чем ближе знакомишься с ее массовой продукцией, тем более очевидной становится непреложность истины: большое искусство — это всегда большая идея, а большая идея — это всегда кровь сердца, это боевой труд и он не оплачивается никакими долларами. И не герой стандартного американского фильма, не эта бестиальная личность, шагающая по чужим неудачам, волк — волку, конкурент— конкуренту, а только дружный коллектив свободных людей определяет будущее.

И нет для искусства целей более возвышенных и более благородных, чем борьба за мир и демократию, борьба за нового человека, за человека, который идет к общему счастью.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОПЕРАТОР-ПАРТИЗАН

Михаил Глидер — оператор кинохроники — человек с увлекательной военной биографией.

Прыгнув с самолета в тыл к немцам, он прошел курс «партизанской Академии» в соединениях С. Ковпака и А. Федорова и, став там коммунистом, превратился в комиссара чехословацкой бригады.

О событиях — занимательных и подчас неожиданных, о приключениях — почти романтической необычности, в книге* рассказано так, что читателям ясно: это не исключительность судьбы автора и не произвольная игра случая. Книга подкупает «обыденностью» происшествий». Типичность поведения ее героев нигде навязчиво не обозначена, закономерность событий не названа, однако и то и другое чувствуется в каждом эпизоде.

С. Ковпак и А. Федоров говорят про автора: «он мог бы и в партизанах остаться только кинооператором. Но он стал партизаном». Вот почему и могла у него сорваться фраза: «аппарат очень мешал мне продвигаться вперед и стрелять...» А мог ли не быть впереди оператор — советский человек — коммунист?

Не понаслышке знает автор жизнь народных мстителей. Их привычки стали его второй натурой. В первую ночь на освобожденной территории ему не спится в постели: чтобы заснуть, — приходится встать и снова одеться....

Прежде чем оператору Глидеру заснять переправу, партизан Глидер бросался в ледяную воду, увлекая своим примером строителей моста.

Нельзя без волнения читать главу «Обоз уходит на Большую землю»: так задушевно написать о проводах раненых товарищей мог только партизан.

Драматическим напряжением наполнен и рассказ о том, как снимался взрыв поезда: это написал кинематографист.

«Ты — наша история», — говорили ему партизаны. Но объективность историка не равнозначна бесстрастности. Требования высокой эмоциональности предъявляет Глидер аппарату: «хочется... чтобы он принял участие в твоем негодовании, в твоем горе». И напрасно сетует автор на то, будто «правда не всегда достаточно ярка, чтобы можно было передать ее не очевиддам». Взявшись за перо, Глидер остался документалистом: в ярких и убедительных кадрах передает он правду о народе на войне. Пастушок, предупреждающий подрывников о немецкой засаде, глухонемой партизан-одиночка, — это запоминающиеся, подлинно кинематографические по своей выразительности образы.

Не все материалы книги равноценны. Напрасно включен, например, такой маловыразительный эпизод, как «В бане». Попадаются и стилистические погрешности, иногда искажающие смысл: «вместо плена ушел в лес...», «к моему удивлению, награжден был и я...»

Трудно понять также, почему книга кинооператора издана без кадров, снятых автором, без единой иллюстрации.

И все же отдельные промахи литературной обработки и редактуры не умаляют общей ценности труда М. Глидера.

Жаль только, что этой книгой пока что и ограничивается освещение интереснейшего этапа развития советской документальной кинематографии. Тем, кто творил кинолетопись Отечественной войны, кто был свидетелем и участником всех ее значительных событий, кто повседневно встречался и с рядовыми бойцами и с лучшими сталинскими полководцами, — есть что рассказать читателям.

Мы вправе ожидать выпуска новых изданий подобного рода, вправе требовать от Госкиноиздата большей инициативы в работе с авторами-кинематографистами.

Г. ДМИТРИЕВ.

* Михаил Глидер, лауреат Сталинской премии. **С киноаппаратом в тылу врага.** Госкиноиздат, 1946, стр. 240, цена 13 руб.

ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ

Общество «Франция — СССР» выпустило специальный журнал, в котором помещены статьи французских кинематографистов о советском кино*.

Журнал открывается статьей «Первые годы советского кино». Ее автор—старый друг советского кино Леон Муссинак.

Анализируя историю советской кинематографии, Леон Муссинак отмечает, что она ставит себе задачи просветительные, являясь предвестником и пропагандистом обновленного мира.

Статья Жоржа Садуля «Семь лет русского кино» дает обзор советских фильмов, демонстрировавшихся во Франции с 1938 по 1945 годы.

Ж. Садуль пишет: «Когда после освобождения Парижа мы увидели «Радугу», мы вновь встретились со своим старым другом — советской кинематографией.

Мы можем сказать, что 1937—1938 годы (о 1939—1940 годах мы знаем мало) были одними из самых блистательных в советской кинематографии и что их можно сравнить с ослепительными годами, давшими «Потемкина», «Мать» и другие шедевры».

Автор особенно выделяет трилогию о Максиме: «Она ценна своим юмором, но основная ценность — в ее силе и уверенности. Два заседания парламента, контрастных и дополняющих друг друга, находятся в центре двух последних картин. Эта тема тщательно отработана, чувствуется правдивость в движениях всего собрания и в психологии каждого. Можно сказать с уверенностью, что Франк Капра в своем фильме «Мистер Смит в Сенате», центром которого является также заседание парламента, запомнил уроки Козинцева и Трауберга».

С теплыми воспоминаниями о советском кино выступил Фернан Гренье, президент Общества «Франция — СССР»:

«Двадцать лет назад в кино ходили только для того, чтобы «провести вечер», а люди «хорошего тона» презирали это развлечение, считая его низкокачественным. В журналах рассказывались устрашающие истории о варварстве большевиков, их некультурности и полном отсутствии у них цивилизации.

Тогда-то и появился «Броненосец Потемкин». Его появление можно сравнить со взрывом бомбы. У меня было ощущение, что до этого необычайного фильма вообще не существовало никакой кинематографии. Для нас открылись социально-воспитательные возможности кинематографа. Благодаря шедевру Эйзенштейна СССР освободился от окружавшей его тайны, и с каким блеском!

...С тех пор Восток дал нам ряд других замечательных фильмов: в «Депутате Балтики» показана связь интеллигенции с народом; в «Чапаеве»—борьба за идеал, в стремлении к которому советские люди жертвуют всем; в «Профессоре Мамлоке» — абсурдность и позор расизма; в «Радуге» — ненависть к оккупантам... и много другого.

Советское кино дает нам величественный урок... Спасибо! Большая и братская благодарность всем деятелям советской кинематографии».

В журнале помещены также статья о работе фронтовых русских операторов, иллюстрированная кадрами из документальных советских фильмов, портреты и творческие характеристики ведущих советских киномастеров, и, в заключение, — статья С. Эйзенштейна «Как снимался фильм «Иван Грозный».

Е. СМИРНОВА

* «Советское кино». Специальный выпуск, Общество «Франция—СССР», Париж, 1946.

ФИЛЬМЫ ВЫПУСКА 1947 ГОДА

МАЙ—ИЮНЬ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ

ЛЕНФИЛЬМ

«ЗОЛУШКА»

Сценарий Е. Шварца. Постановка Н. Кошеверовой и М. Шапиро. Режиссеры И. Гиндин и А. Кудрявцева. Главный оператор Е. Шапиро. Операторы А. Сысоев и М. Шуруков. Эскизы декораций и костюмов Н. Акимова. Главный художник И. Махлис. Художники Е. Словцова и Н. Сычкин. Композитор А. Спадавекки. Звукооператор А. Островский.

В главных ролях: Я. Жеймо, А. Ковсовский, Э. Гарин, В. Меркурьев, Ф. Раневская, Е. Юнгер, Т. Сезеневская, А. Румнев, В. Мясникова, И. Клесменков, С. Филиппов.

МОСФИЛЬМ

«ВЕСНА»

Сценарий Г. Александрова, А. Раскина и М. Слободского. Постановка Г. Александрова. Режиссер А. Давидсон. Главный оператор Ю. Екельчик. Художники К. Ефимов и В. Кандуновский. Композитор И. Дунаевский. Звукооператор В. Лещев. Авторы текстов песен В. Лебедев-Кумач и М. Вольпин. Автор текста марша С. Михалков. Комбинированные съемки Г. Айзенберга. Балетмейстеры К. Голейзовский и Т. Шаховская. Балет Большого театра СССР. Хор—ансамбль ЦДКА. Оркестр Министерства кинематографии СССР.

В ролях: Л. Орлова, Н. Черкасов, Н. Коновалов, М. Сидоркин, Р. Плятт, В. Зайчиков, Ф. Раневская, Р. Зеленая, Б. Петкер, Т. Гуренская, В. Голубин, В. Красовицкая, С. Балашов, Н. Казанцева, Л. Легостаева, Н. Михайлова, Г. Жуковская, В. Журавлев, А. Ковсовский, Л. Слобода, В. Телегина, М. Трояновский, А. Пиневан и др.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ФИЛЬМЫ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ СТУДИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ

«РУМЫНИЯ»

Автор-режиссер В. Беляев. Главный оператор М. Глидер. Операторы В. Микоша и Г. Бобров. Румынские операторы Ф. Козма и Н. Моррей. Композиторы Жорж Энеску и Пауль Константинеску. Музоформление Г. Гамбург. Автор дикторского текста Б. Горбатов. Читает Л. Хмара. Производство Центральной студии документальных фильмов и «Фильм Популяр», (Москва—Бухарест).

«КОЛХОЗ «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ»

Автор-режиссер И. Аташева. Операторы Л. Качурьян, А. Лебедев и М. Сегаль. Звукооператор Д. Овсянников. Музоформление А. Ройтман. Автор дикторского текста Е. Габрилович. Читает Л. Хмара.

«ГАЗОПРОВОД САРАТОВ—МОСКВА»

Режиссер Н. Соловьев. Операторы А. Брантман, Ю. Монгловский, М. Оцеп, К. Пискунко, О. Рейзман, А. Софьин, С. Школьников. Музоформление А. Грона. Звукооператор Н. Никитин. Текст читает Ю. Левитан.

«КУРС НА СЕВЕР»

Режиссер Ф. Киселев. Автор-оператор В. Фроленьо.

«СПОРТИВНЫЙ ДЕНЬ СТОЛИЦЫ»

Спецвыпуск. Режиссер Я. Посельский.

«ПЕРВОЕ МАЯ»

Режиссеры Л. Степанова и Ф. Киселев. Главные операторы И. Беляков и С. Семенов. Музоформление Д. Блок. Музыка песни Е. Жарковского. Автор текста песни Дм. Седых. Звукооператор В. Нестеров.

КИНОЖУРНАЛЫ:

«Новости дня» №№ 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, «Пионерия» №№ 4, 5—6, «Советский спорт» №№ 5, 6, 7.

НОВОСИБИРСКАЯ СТУДИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ФИЛЬМОВ

«105 ЛОШАДИНЫХ СИЛ»

Сценарий Н. Щелчковой. Режиссер Н. Чуриков. Операторы Г. Дробин и Б. Митлин. Режиссер-мультипликатор П. Клинч. Звукооператор М. Иванов.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ ФИЛЬМЫ

МОСКОВСКАЯ СТУДИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ФИЛЬМОВ

«УМНЫЕ МАШИНЫ»

Сценарий В. Скрипницына. Режиссер Б. Альтшуллер. Оператор П. Петров.

«ВЕСНА В ГОРАХ»

Сценарий Н. Абрамова. Режиссер А. Кондахчан. Оператор В. Пахомов.

«СВЕТ БУДУЩЕГО»

Сценарий Л. Коган. Режиссер И. Чигорин. Оператор В. Афанасьев. Композитор В. Смирнов.

«В МИРЕ КРИСТАЛЛОВ»

Сценарий В. Мордвиновой. Режиссер А. Сардан. Оператор Г. Троицкий. Композитор В. Смирнов.

«СЕКРЕТЫ ПРИРОДЫ»

Автор-режиссер А. Згуриди. Композитор В. Оранский.

«ЗОРКИЙ ПОМОЩНИК»

(Фотоэлемент в технике)

Сценарий В. Перлина и В. Мезенцева. Режиссер Б. Альтшуллер. Оператор П. Петров. Композитор А. Спадавекки.

«БУДЬ ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ»

Сценарий Б. Ласкина. Режиссер Д. Боголепов. Оператор Г. Могилевский.

«ЛЫЖИ»

Сценарий Е. Пономарева. Режиссер Е. Кузис. Оператор А. Филиппов.

«СОРНЯКИ — ВРАГИ УРОЖАЯ»

(«Беседы агронома»)

Сценарий И. Василькова. Режиссер И. Свистунов. Оператор П. Безбородов.

«О СРОКАХ ВЕСЕННЕГО СЕВА»

(«Беседы агронома»)

Сценарий Е. Якушкина. Режиссер Е. Кузис. Оператор М. Лукин.

КИНОЖУРНАЛ «НАУКА И ТЕХНИКА»

№№ 6/86, 7/87, 8/88.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ СТУДИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ФИЛЬМОВ

«ОКНО В НЕВИДИМЫЙ МИР»

(Электронный микроскоп)

Сценарий В. Быстрова. Режиссер М. Клигман. Оператор А. Климов.

«ВОЗВРАЩЕННЫЙ К ЖИЗНИ»

(Рак желудка)

Сценарий Л. Зильберберга и Н. Галкина. Режиссер Н. Галкин. Оператор Н. Васильев.

«КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?»

Сценарий Б. Роома. Режиссер Е. Рубинштейн. Оператор Д. Леонов-Никитин.

«СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО»

(Альманах)

Автор-режиссер В. Николаи. Оператор Э. Ратнер.

«НОВАЯ ТЕХНИКА ЭЛЕКТРОСВЯЗИ»

Сценарий Б. Юдина. Режиссер С. Кузьмин. Оператор М. Гальпер.

«ВЕРНЕЕ СЛУХА, ОСТРЕЕ ГЛАЗА»

(Точные приборы)

Сценарий М. Туберовского. Режиссер Г. Брусее. Оператор Д. Фуштейн.

«С ОГНЕМ НЕ ШУТИ»

Сценарий О. Кузнецова. Режиссер О. Галлай. Оператор Н. Васильев.

Редактор Н. А. ЛЕБЕДЕВ

А08465. Сд. в пр. 24/VI 1947 г. Подп. к печ. 4/VIII 1947 г. Ф. 6. 60×92⅛. Тир. 4000. 4 п. л. Уч.-изд. 6. Зн. в 1 п. л. 60000.

Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7. Зак. № 1108.

Цена 10 руб.

6431

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ОБЯЗ ЭКЗ
1947 г.